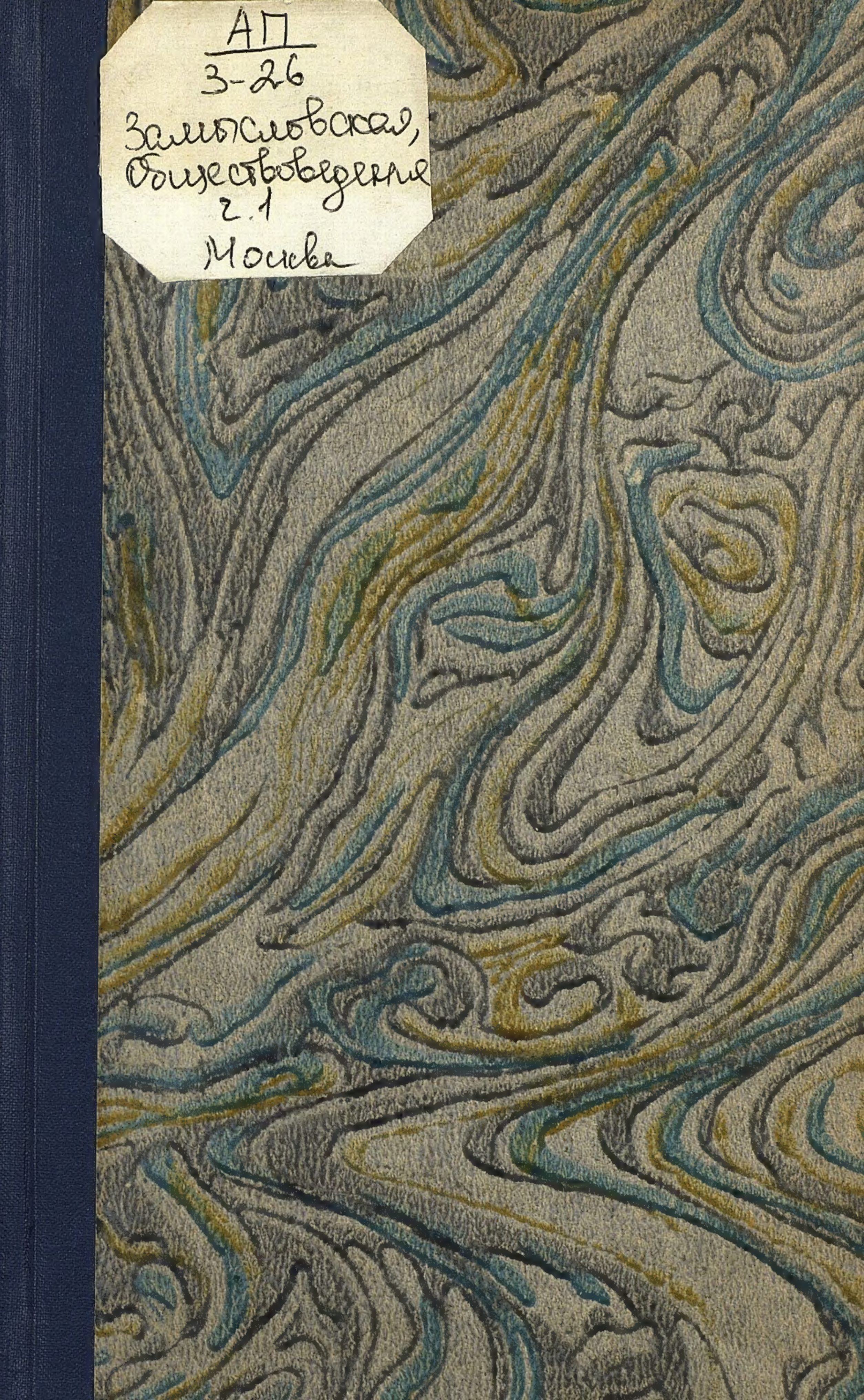

АП
3-26
Замысловская,
Обществоведение
ч. 1
Москва

ЕК. ЗАМЫСЛОВСКАЯ

ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА.

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ.

Учебники и учебные пособия для школ I и II ступени

Богданов, А.—Начальный курс политической экономии. Ц. 60 к.

Виппер, Р.—Древняя Европа и Восток. Ц. 65 к.

Его же.—Учебник древней истории Цена 1 р 20 к.

Его же.—Учебник истории средних веков. Ц. 60 к.

Вольф, М, Б. и **Мебиус, Г. А.**—Статистический справочник по экономической географии СССР и других государств. (Пособия для преподавателей и учащихся).

Вольфсон, М. Б.—Очерки обществоведения изд. 5-е. Ц. 1 р. 10 к.

Его же. — Очерки обществоведения (на польском языке).

Его же,—Элементарный курс политической экономии.

Гурвич.—Основы Советской констит.

Жаринов, Д. А. и **Никольский, Н. М.** Древний мир. Часть II. Греция.

Замысловская, Е.—Учебник русской истории. Ц. 80 к.

Ее же.—
(на эст

Звягинц
ка и тр

Калашн
матия

Ковале

Его же.-

Ковале
Как и
Россия

Его же
Ц. 1 р

Ковале
русск

Том III. Ц. 1 р. 30 к.
Том IV. Ц. 1 р. 70 к.
Том V. Ц. 1 р. 60 к.

Кравченко, А.—В борьбе за лучшую жизнь Ц. 30 к.

Латукка—История России (на фин. языке).

Левин и **Юргенс.**—Литературная хрестоматия по политической экономии Часть I. От ремесла к машине. Часть II Вып. I. Часть II. Вып. II.

Любимов, Л.—Азбука политической экономии. Ц. 75 к.

Мартынов, А. С.—Очерки русской истории. Ц. 30 к.

Покровский, М. — Русская история в самом сжатом очерке. Ц. 60 к.

Его же.—История России (на польском языке).

Рудаш.—Всеобщая история.

Его же.—История рев. движ. на Западе.

Семковский,—Марксистская хрестоматия для юношества.

Сергеев. — История рабовладельческого общества. Ц. 1 р.

ский. — Культурно-
тины жизни Западн.

кий курс экономи-
и России. Ц. 1 р. 20 к.

Краткое руководство
ализма. Ц 75 к.

-Основы советской
75 к.

еседы с учителем
ому материализму.

Я.—Изучение быта
е (Исследовательск.,
работа по обществе-
0 к.

ЫКИ.

УЧЕ … А I и II СТУПЕНИ.

Алафуз
ния п

Библио
ние не

Ф.—Классовая борьба.
етом. Ц. 1 р. 20 к.
ебник французского

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ШКОЛ I и II СТУПЕНИ

ЕК. ЗАМЫСЛОВСКАЯ

ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕБНОГО СОВЕТА
ДОПУЩЕНО ДЛЯ ШКОЛ I СТУПЕНИ

1—130 ТЫСЯЧА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

1. Теперь и прежде.

Каждый из вас и вообще каждый десяти-двенадцатилетний школьник знает немножко истории, даже если он совсем еще ее не изучал. Какую же он знает историю? Недавнюю историю своего дома, своей улицы, даже целого квартала, если он живет в городе; недавнюю историю своей деревни, если он деревенский житель.

Как узнают дети историю своего дома, своей улицы, своей деревни?

Они наблюдают и невольно запоминают. Вот в доме несколько квартир пустовало. Может быть, соседи ломали в этих пустых квартирах деревянные части. А в прошлом году квартиры эти жилтоварищество починило, стало следить за тем, чтобы поломок не было и туда в'ехали новые жильцы.

Такая перемена, конечно, не ускользнула от глаз живущих в доме школьников.

Если в соседнем доме появилась вдруг мастерская слесаря, из которой раздаются стук и лязг железа, дети, конечно, сразу заметили и эту перемену на своей улице.

Если где-нибудь по соседству случился пожар, и после того погорелый дом стал необитаем, детям это отлично известно. А коли ученики, сговорясь между собой еще в прошлом или позапрошлом году, все перемены на своей улице записали да зарисовали, то получилась интересная для всякого жителя этой улицы история ее за последний год, а может быть, и за два [1]). Зная о переменах, про-

---

[1]) Если раньше такая работа не сделана, то обдумайте сообща план работы и постарайтесь его выполнить. Можно, например, записать и зарисовать, *как выглядит* ваша улица: широкая, узкая, чем мощена, заросла ли травой; *какие* дома на ней: высокие, низкие, разные; *сколько* жилых и нежилых домов—разрушенных; сколько пустырей, сколько старых деревянных домов, сколько каменных.

Отпечатано в типографии
Нижполиграф, Н.-Новгород,
вколичесстве 30000 экземпл.
Гиз № 7951, Нижгублит № 280.

1. Теперь и прежде.

Каждый из вас и вообще каждый десяти-двенадцатилетний школьник знает немножко истории, даже если он совсем еще ее не изучал. Какую же он знает историю? Недавнюю историю своего дома, своей улицы, даже целого квартала, если он живет в городе; недавнюю историю своей деревни, если он деревенский житель.

Как узнают дети историю своего дома, своей улицы, своей деревни?

Они наблюдают и невольно запоминают. Вот в доме несколько квартир пустовало. Может быть, соседи ломали в этих пустых квартирах деревянные части. А в прошлом году квартиры эти жилтоварищество починило, стало следить за тем, чтобы поломок не было и туда в'ехали новые жильцы.

Такая перемена, конечно, не ускользнула от глаз живущих в доме школьников.

Если в соседнем доме появилась вдруг мастерская слесаря, из которой раздаются стук и лязг железа, дети, конечно, сразу заметили и эту перемену на своей улице.

Если где-нибудь по соседству случился пожар, и после того погорелый дом стал необитаем, детям это отлично известно. А коли ученики, сговорясь между собой еще в прошлом или позапрошлом году, все перемены на своей улице записали да зарисовали, то получилась интересная для всякого жителя этой улицы история ее за последний год, а может быть, и за два [1]). Знаю о переменах, про-

---

[1]) Если раньше такая работа не сделана, то обдумайте сообща план работы и постарайтесь его выполнить. Можно, например, записать и зарисовать, *как выглядит* ваша улица: широкая, узкая, чем мощена, заросла ли травой; *какие* дома на ней: высокие, низкие, разные; *сколько* жилых и нежилых домов—разрушенных; сколько пустырей, сколько старых деревянных домов, сколько каменных.

исшедших в ближайшее время, поневоле захочется узнать и о том, что было несколько лет тому назад. Если об этом расспросить людей постарше, то они порасскажут много интересного про то, как прежде вместо больших каменных домов кругом стояли деревянные; как бегала лошадиная конка[1]) вместо трамвая, или ездила по улицам столицы трясучая каретка, запряженная одной или двумя клячами; в насмешку она называлась почему-то «кукушкой» или «собачьим курятником». На домах над лавками висели размалеванные вывески, чтобы каждый неграмотный человек мог знать, чем торгует та или иная лавочка[2]). Теперь очень редко можно встретить такие вывески, а всего несколько лет назад ими пестрели все улицы.

Такие исчезающие на наших глазах вывески, зарисованные школьниками, сохранятся в школьном музее и будут рассказывать историю улицы того времени, когда грамотных людей было мало и вывески не писались буквами, а размалевывались, как картины.

Много и других перемен произошло на улицах того района, в котором находится школа, в котором живут учащиеся в ней дети, и произошло у всех на глазах за какой-нибудь десяток лет. Рассказы старших об этих переменах можно тоже записать, чтобы современем не забывалось то, что сейчас еще свежо в памяти.

Со старых журналов можно срисовать конку, запряженную лошадьми, и общественную каретку—«собачий курятник», а рядом с ними поместить для сравнения снимок с нашего трамвайного вагона. Подо всем этим может быть подписано: «Теперь и прежде».

2. В самые стародавние времена.

О прошлом говорят нам не только воспоминания старших, рисунки в книжках и старых журналах; говорят также и старинные предметы домашнего обихода. В деревнях можно встретить, например, заброшенную прялку старинного образца, такую, каких теперь

Почему нет новых деревянных домов. Сколько домов сгоревших.

Какие мастерские есть на вашей улице; какие кооперативы.

Когда летом попадете в деревню, ознакомьтесь с деревенской улицей, сравните ее с городской. Измерьте длину, ширину, зарисуйте общий вид деревенской улицы. Удачные рисунки сохранятся в школьном музее.

[1]) Потому и называлась конка,—конная.

[2]) Вспомните, что делается сейчас, чтобы больше не было неграмотных. Запишите, что сделал каждый ученик и что сделано всем классом в помощь ликвидации неграмотности.

больше не делают; или старинные уборы, украшения, каких теперь не носят, а только хранят в стареньком бабкином сундуке, окованном железом, расписанном старинными рисунками. Сам сундучок бабкин тоже мог бы о многом порассказать, так как он, пожалуй, был сработан и расписан тогда, когда еще никого из нынешних жителей деревни не было на свете, и бабке достался по наследству от ее матери.

В больших городах такие старинные вещи собраны в музеи. Там в стеклянных шкафах размещены старинные парчевые сарафаны; украшенные жемчугом кокошники; серьги с подвесками; всякие уборы, каких теперь уже не носят больше, даже в самых глухих деревнях. Наряды эти надевались в старину только по праздникам и потому передавались в сохранности от бабки и прабабки к внучкам и правнучкам.

Но в тех же музеях есть вещи, которые употреблялись человеком не сто, не двести лет тому назад; целые десятки тысяч лет прошли с тех пор, как умерли их владельцы. [1])

Какие же это предметы?

Это глиняные горшечные черепки и каменные кремневые наконечники стрел, копий, а иногда и просто грубо оббитые кремни, которые зажимались в кулак для удара ими, как молотком.

Откуда же взялись эти остатки самых стародавних времен?

Об этом люди долго ничего не знали. Собирали их, случайно встречая в земле, при земляных работах, при обработке пашни. Собирали, считая колдовскими камнями, громовыми стрелами, упавшими с неба.

Но лет сто тому назад ученые люди установили наконец, что эти каменные стрелы и молотки служили когда-то человеку, древнейшему или первобытному человеку, который жил многие тысячи лет тому назад, здесь на тех же местах, где мы теперь живем, а также и в других странах. Только жил он совсем иначе, да и сам был очень мало на нас похож, судя по тем окаменелым его костям, которые тоже нашлись при раскопках в земле, там же, где и его каменные орудия.

---

1) Если у кого-нибудь в доме найдется вещь (посуда, утварь, одежда), сделанная давно, когда еще никого из наших стариков не было на свете, такую вещь нарисуйте, опишите; рисунок и описание сохраните для вашего музея. Если удастся побывать в музее, где хранятся старинные вещи, зарисуйте то, что больше всего заинтересует класс.

Как же жил первобытный человек?

Мы живем в домах деревянных или каменных. Но в далеких странах, да и у нас в Сибири есть люди, которые и сейчас не живут в домах, а строят себе жилище из жердей, обтянутых войлоком или даже древесной корой. А то роют себе землянки или делают шалаши из ветвей деревьев. Все потому, что не научились еще строить себе

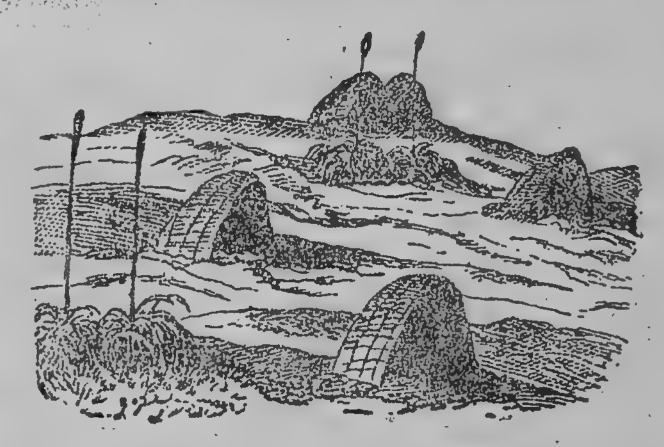
Дикари.

постоянные дома, да такие дома им и не нужны. Они не живут постоянно на одном месте, а ведут, как мы говорим, бродячий образ жизни. Такие люди бродят в поисках пищи для себя или для своих стад, если у них уже есть стада прирученных животных.

Но приручать животных нелегкое дело, и много есть таких дикарей, как мы их теперь называем, которые не умеют еще приручать животных и кормятся только охотой или рыбной ловлей. Как такие дикари живут, можно видеть не только в музеях, где представлены их шалаши со всей утварью и сделаны фигуры самих дикарей. Можно увидеть жизнь дикарей и в кинематографе. Теперь уже многие дикари Африки, Австралии, Азии сняты на ленту кинематографа, и нам показывают, как дикари приготовляют себе пищу, одежду, как они веселятся, как плывут в своих челноках

из древесной коры [1]). Теперь уже с жизнью дикарей довольно хорошо ознакомились ученые, рассмотрели их не только живых, но и черепа умерших измерили, сравнили с черепами образованных людей и установили большую разницу. Оказалось, что чем развитее люди, тем больше развит у них мозг, и это развитие мозга можно заметить по черепу, по складу костей.

Первобытный человек, судя по черепу, был совсем несмышлен, ум у него был слабо развит. Человек в самую стародавнюю пору десятки тысяч лет тому назад мало отличался от животных. Ходили тогда люди совсем без одежды, не умели строить себе жилищ, даже говорить по-настоящему не умели. Только визжали, кричали от боли или от ярости: издавали отдельные звуки.

Шалаши дикарей.

Чем же могли люди в ту пору питаться?

Конечно, тем, что удавалось собрать в лесу, на лужайках, на берегу реки. Ели улиток, червей, лягушек, мышей, птенцов из гнезд, птичьи яйца, жолуди, орехи.

Каждый из нас по себе знает, сколько надо с'есть, например, земляники, черники или других ягод, чтобы быть сытым, если нет хлеба, если забрели в лес с самого утра и остались без обеда. Значит мы можем себе представить,—как много приходилось первобытным людям трудиться, чтобы набрать пищи и наесться, хотя и не всегда досыта.

Могли ли тогдашние люди собирать орехи, жолуди, птичьи яйца сообща, вместе, большими стаями?

Нет. Мы же по себе знаем,—когда собираешь орехи в лесу или землянику, то нельзя держаться всей гурьбой тесно вместе, потому, что тогда невольно бросимся все разом к той же кочке, где

---

[1]) Если вы видели такие сцены из жизни дикарей в кинематографе, постарайтесь их вспомнить; нарисуйте: челноки дикарей, поселок, вообще то, что сможете припомнить. Если можете подобрать картинки, изображающие жизнь дикарей,—это тоже очень интересно. С таких рисунков можно лепить поселок дикарей, их утварь.

завидим землянику, к тому же кусту орешника. Приходится разбрестись по лесу. Но теперь ягоды и орехи для нас лакомство. Если мы наберем их совсем мало, мы не станем голодать, а первобытный человек, не набрав себе пищи, голодал и не день, не два, а иногда подолгу. Значит он не склонен был с кем-нибудь делиться до тех пор, пока питался только тем, что удавалось собрать в готовом виде.

Совсем иначе пошло дело, когда первобытные люди научились пускать в ход камень или дубину и убивать крупных животных...

Как же могли они этому научиться, если были несмышленные, с неразвитым умом?

Ум-то у них был плохо развит, зато хорошо были развиты руки — цепкие, длинные, судя по найденным костям. Первобытные люди прекрасно лазали по деревьям, как и сейчас многие дикари, живущие в лесу.

Мы можем себе вообразить, как такой лесной человек, спасаясь от хищного зверя, крепко хватался за сук, чтобы влезть на дерево; за выступ скалы, чтобы на нее взобраться; и если подламывался сук или выветрившийся кусок скалы отламывался и оставался в руке, человек отбивался от настигавшего зверя уже не просто кулаком, а кулаком с зажатым камнем или острым суком, и зверь оказывался убитым. Человек мог уже в свою очередь напиться его свежей крови и даже его с'есть, наесться досыта мясом.

По своей несмышленности человек не мог, конечно, сразу догадаться, что убил он зверя острым камнем, а не кулаком. Но такие стычки со зверями повторялись довольно часто. Такую борьбу могли наблюдать детеныши человека, если борьбу вела их мать. Они тоже, подражая ей, хватали сучья и камни, невольно учились ими владеть для защиты. И уцелели в лесу, наконец, только те люди, которые были половчее в борьбе. Остальных растерзали хищные звери или убил голод.

От матерей, ловких в борьбе, переняли эту ловкость и дети.

Но не следует думать, что человеку легко далась победа над хищниками, что он скоро научился владеть камнем и дубиной и даже осмелел настолько, что стал нападать сам на крупных животных. Долгие века, даже тысячелетия протекли в этой борьбе, пока, наконец, человек не остался победителем, не научился *сознательно* вооружаться острым камнем и дубиной.

3. Первые орудия человека.

Не один только человек хватает палку и камень. Обезьяны тоже умеют хватать все, что попадет под руку. Разница между первобытным человеком и другими животными установилась с тех пор, когда человек, подобрав дубину, не бросил ее через несколько минут, как это делают обезьяны, а приберег ее для того, чтобы этой дубиной защищаться. Камни же стал выбирать такие, у которых хоть один край был острый. Если такого камня не находилось, человек стал сам оббивать края, чтобы их заострить.

Такие камни с оббитыми краями сохранились в земле. Теперь уже много найдено таких камней, которые мы можем считать первым орудием человека. Их можно посмотреть в музеях. Там они бережно хранятся под стеклом с надписью: «Орудия каменного века». Только не следует думать, что каменными орудиями человек пользовался всего один век, одно столетие. Слово каменный век, тут надо понимать, как название очень долгого времени—многих тысяч, даже десятков тысяч лет.

Каменными орудиями пользуются и сейчас те дикие люди, которые еще не научились делать себе орудия из железа.

Когда мы рассматриваем грубо оббитый каменный молоток без рукоятки, нам кажется, что такую вещь довольно просто сделать. Но если мы попробуем оббивать камень о камень, то поймем, что это, наоборот, очень трудно. Попробовать надо непременно, чтобы самим в этом убедиться. Если мы станем рассматривать в музее каменные орудия, то увидим, что есть среди них не только простые, грубо оббитые молотки без рукоятки, есть и тонко обработанные кремни, которые должны были служить человеку, как ножи, скребки, наконечники стрел и копий [1]).

По этим, дошедшим до нас от самых стародавних времен, орудиям, ученые и смогли представить себе жизнь первобытных людей. Мы тоже сможем себе эту жизнь представить, если задумаемся над этим.

Возьмем, например, тонко отделанный каменный нож или наконечник стрелы.

Мог ли его изготовить человек тогда, когда он один или со своими малыми детенышами бродил вечно голодный по лесу, по берегу реки в поисках за готовой пищей?

---

[1]) Орудия эти зарисуйте, сделайте слепки из глины.

Нет. Для изготовления такого тонкого орудия нужен был человеку досуг; надо было сытно поесть и тогда уже приняться за такую работу. Мозг человека должен уже был хорошо развиться для того, чтобы человек мог придумать такую разумную вещь, как пускание стрел из лука или метанье копья, когда он убивал зверя на большом расстоянии, не подпуская его к себе.

Первобытные орудия.

А чтобы мозг развивался, его надо хорошо питать. Мы знаем, что люди, живущие всегда впроголодь, в полной нищете, тупеют, не могут ничего придумать, ничего сработать хорошо и ловко.

Вот и представим себе, как изготовлялся человеком тонко оббитый нож.

Первобытный человек за такой работой сидел уже где-нибудь в укромном месте, чтобы не напал неожиданно зверь. Сидел в пещере или в землянке, перед костром, который отпугивал хищных зверей. Накануне он охотился вместе, сообща с целой ордой, как это и сейчас делают дикари, охотился удачно: загнали пещерные люди в выкопанную нарочно яму оленя или лося; убили, забросав каменьями; разрезали и сняли шкуру каменным ножем; розняли тушу и все наелись досыта. Сообща охотились,—сообща и пировали. А тому, кто лучше всех умеет оббивать кремни и делает острые ножи не только для себя, но и для других, дали самые лакомые кусочки из общей добычи. Ему же оставили недоглоданные кости, чтобы он мог за работой подкрепиться, чтобы мог, разбив

кости каменным молотком, полакомиться костным мозгом. Все это в награду за хорошо сработанные каменные ножи. Охотники отправились выслеживать дичь. Когда начнут загон, в нем все примут участие: мужчины, женщины и дети. А потом опять умелый работник примется изготовлять ножи на досуге у своего костра [1].

4. Домашний очаг.

Все дети любят огонь. Так весело зимой греться у печки, любуясь разноцветными языками огня, золотом раскаленных углей. А уж летом развести костер где-нибудь в поле, на берегу речки, это—первое удовольствие для всяких школьников как деревенских, так и городских.

Но вот, сидя перед костром или хоть перед затопленной печкой, подумаем, какое значенье имеет огонь для тех людей, у которых нет крепко построенных домов, которые живут в шалаше, в землянке, в пещере, где без очага было бы совсем невозможно согреться, избавиться от сырости. А ведь мы уже знаем, что люди и теперь живут в таких, непохожих на наши, жилищах. В музеях, когда мы видим искусно устроенный шалаш дикарей, посередине всегда находится очаг, и вся семья лепится вокруг огня.

Мы легко можем вообразить себе, как жутко жилось первобытному человеку, пока не попал к нему в руки огонь.

Как попал в руки человеку огонь, достоверно неизвестно. Может быть, молнией зажженный лесной пожар привлек внимание первобытного человека. Он стал греться у догоравших углей, разгребая их палкой, мог ее зажечь и перенести огонь в другое место. То же могло случиться и подле вулканов. Лава вулкана, застывая сверху, остается долго раскаленной внутри. Если корку лавы проткнуть случайно палкой, то сухая палка затлеет и загорится.

---

[1]) Выйдя на прогулку всем классом куда-нибудь за город, постарайтесь представить себе, как первобытные люди всей ордой устраивали гон на крупного зверя; как они этого зверя обходили, делали облаву; как рыли предварительно яму, куда зверь должен был ввалиться. Попробуйте рыть палками и острыми камнями (лопаты ведь тогда не было), вы увидите, как это трудно. Соблюдайте полную тишину, чтобы не спугнуть воображаемого зверя и сумейте понимать друг друга по звуку, по жесту. Ведь тут нужна большая сговоренность, чтобы не засыпать друг другу глаза и не выколоть их палками. Вот теперь вы поймете, как вырабатывался человеческий язык на совместной работе, как вообще люди научились трудиться сообща.

Огонь мог загореться от искры при ударе кремней друг о друга, если эта искра падала на сухие листья, сухую траву.

Человек долго не мог научиться сам добывать огонь. Долгое время он умел его только поддерживать неугасимо днем и ночью в своем очаге. Если очаг угасал, в пещере становилось холодно и сыро; на людей нападали хищные звери, которых отпугивал огонь, вообще это была погибель для всех, и потому упустить огонь, дать ему загаснуть считалось тяжким преступлением. Того, кто такое преступление совершал, беспощадно убивали.

Огонь люди долго считали священным; любили рассказывать сказки, легенды о том, как огонь попал с неба на землю.

Когда уже люди научились высекать огонь или добывать его трением сухой палочки в деревянной лунке, они все еще продолжали по-старому поддерживать неугасимый огонь в домашнем очаге.

И теперь еще в Белоруссии есть обычай, переходя в новую избу, переносить с собой из старой печи горящие угли и от них зажигать новый очаг. Это отзвуки самой стародавней старины, того времени, когда люди не умели высекать огонь, а могли только поддерживать неугасимо огонь своего очага.

Если мы нарисуем: костер, очаг в шалаше дикаря, русскую печь, нашу городскую плиту и даже плиту газовую, то под этими рисунками мы можем подписать: «Домашний очаг прежде и теперь».

Можно сделать и модели.

5. Древние поселки нашего края.

Мы уже знаем, что в тех местах, где мы теперь живем; где стоят наши города и деревни, люди жили многие тысячи лет назад. Жили те первобытные обитатели нашего края совсем иначе, чем мы, не в домах, а в землянках; употребляли каменные орудия. Остатки этих орудий найдены в земле и подле Ленинграда по Приморской дороге в местечке «Розлив» и по берегу Ладожского озера, да и во многих других местах С. С. С. Р. Рядом с окаменелыми костями первобытного человека найдены были в пластах земли и угли очага, согревавшего древнейших обитателей нашего края. По найденным остаткам ученые восстанавливают, представляют себе жизнь человека в каменном веке.

Но не только такие остатки самых стародавних времен сохранила земля. Когда стали ученые вести повсюду раскопки, они на-

шли много различных, необыкновенно интересных вещей: бронзовых украшений, разных монет, оружия. Вещи эти попали в землю не так давно, как каменные орудия первобытного человека, а всего около тысячи лет назад и принадлежали уже нашим предкам славянским и финским племенам, которые жили бок-о-бок, потом слились вместе и от которых и пошли великороссы, нынешние обитатели нашего края.

Древний поселок.

Как же жили наши предки тысячу лет назад?

Если посмотрим на курную баню — без трубы, с крохотными оконцами, а такую баню можно встретить в деревнях даже невдалеке от большого города, то нам нетрудно будет представить себе жилище наших предков славян.

Жили они в избенках, сложенных из нетесанных бревен, с оконцами, как щелки — в полбревна, заволакивавшимися вместо ставень горбулями. Стекол в оконцах не было; затягивали их пузырем или затыкали соломой. Когда топилась печь, сложенная из камней, дверь в избу приходилось держать открытой, чтобы выходил дым. Спали па земляном полу на соломе, как и теперь еще местами спят крестьяне в очень бедных глухих деревнях.

Душно было в такой избенке, когда закрывали на ночь дверь, дымно, угарно. Но все-таки бревенчатые стены, заваленные снаружи землей и навозом, спасали от зимней стужи и от волков да медведей. Чтобы звери не подходили близко к жилью, двор был обнесен высоким тыном. Во дворе стояло зачастую по две, по три избы, чтобы жить большим семейством, сообща охотиться, ловить рыбу в реках и озерах, собирать в лесу мед диких пчел, даже сеять хлеб, ростить скотину.

Наши предки в ту пору, тысячу лет назад, уже умели сеять хлеб—«жито», как тогда его называли; держали и домашний скот. Только за скотом ухаживали плохо, теплых хлевов не умели делать. Землю тоже обрабатывали совсем плохо: расчищали в лесу полянки, сжигали на них пеньки, сучья и по палу [1]), разодрав слегка землю суковатым бревном, разбрасывали зерна ячменя. Осенью женщины жали хлеб железными серпами и складывали его в скирды.

О том, как жили славяне в своих поселках, мы знаем по раскопкам, по тем вещам, которые сохранились в земле, были оттуда выкопаны и теперь размещены в музеях. Знаем мы о славянах и из книг, которые об них написаны были образованными соседями— греками, арабами. Значит, знаем гораздо больше, чем о первобытном человеке.

Мы уже можем сделать не только рисунки древнего славянского поселка. Мы можем такой, огороженный частоколом, тыном, двор и избы сделать из дерева. У нас получится модель жилья обитателей нашего края тысячу лет назад.

6. Обмен. Древний торг. Работорговля.

Теперь мы заходим в городе в кооперативный магазин и покупаем себе на одежду ситцу, бумазеи, изготовленных фабрич-

---

1) По выжженному месту.

ными рабочими, или чашки, стаканы, кастрюли, котелки для домашнего обихода. Крестьяне привозят в город лен, хлеб, масло, яйца и тоже продают все это на базаре или сдают в кооператив, а себе выбирают на обмен то, что нужно им в хозяйстве. Люди все время обмениваются продуктами своего труда друг с другом; без такого обмена не смогли бы прожить ни в городе, ни в деревне [1]).

Деревенские жители многое изготовляют и теперь для себя сами: ткут холсты, валяют сукна, валенки. Но все-таки и деревня не может обойтись без соли, железных изделий, керосина, сахара, которые ей дает город.

Первобытный человек обходился совсем без обмена. Он добывал себе сам или сообща всей ордой: пищу, шкуры зверей; набирал в лесу хворост для костра, на берегу рек и ручьев кремни для орудий.

Тысячу лет назад славяне и финны, заселявшие наш край, уже не обходились совсем без железа, меди, бронзы. Все это попадало к ним в обиход, как мы уже знаем, судя по вещам, найденным в раскопках.

Как же оно к ним попадало? Как тогда шел обмен?

Совсем иначе, чем теперь. Славяне расселялись, главным образом, по берегам рек, так как дорог тогда не было и проникать вглубь лесистой местности было иначе невозможно. По рекам пробирались к ним и соседи, не только из близких мест, но и издалека. Даже из-за моря, из нынешней Швеции, приплывали свеи, варяги, как тогда их звали; привозили с собой железные ножи, серпы и обменивали их у славян на куньи, беличьи, медвежьи и бобровые шкуры.

Когда варяжские ладьи подплывали к поселку, то славяне выносили на берег свои меха, воск и мед. Варяги же вынимали из лодок привезенные ножи, топоры и тоже клали их на берегу. Потом начинался торг. Если приезжим купцам казалось мало принесенных шкур, они требовали прибавки. Дело не всегда кончалось

---

[1]) Мы употребляем так много вещей привезенных издалека, изготовленных из сырья, выращенного и добытого в далеких странах, что всего и перечислить, пожалуй, не сможем, но привести примеры будет интересно: чай, рис, хлопок; все знают, что привезены эти товары издалека. Если мы побываем в кооперативной лавке и запишем себе, хотя бы самые ходкие товары, мы сможем сделать табличку: товары местные и привозные.

мирно. Варяги были вооружены мечами, копьями, одеты в кольчуги и шлемы; им ничего не стоило врасплох напасть на безоружных людей и без всякого обмена отнять у них то, что те себе добыли охотой. Зачастую такие вооруженные купцы-воины хватали и людей, особенно подростков; связывали их, бросали на дно лодки и увозили с собой в далекие города, чтобы там продать в рабство, в неволю. Скованных цепями везли рабов так далеко, что с родными местами им приходилось проститься навеки. Постараемся представить себе, каково было жить в неволе, каково было ожидать, что тебя схватят и продадут в рабство.

Древний торг.

Варяжские воины наезжали к славянам и без всякого торга; открыто их грабили, убивали, уводили в плен. Чтобы откупиться

от таких набегов, славяне соглашались платить варягам дань по беличьей, а иногда и по куньей шкурке с каждого двора ежегодно.

7. Самые древние города нашего края.

Варяжские князья, вожди воинственных разбойников-купцов, стали даже совсем поселяться в славянской земле, строить себе города.

Чем были первые старейшие города?

Из самого слова ясно, что это были огороженные места и не только огороженные, но обнесенные валом и рвом с той стороны, где не омывала город река. Строились города обыкновенно на высоком берегу реки, даже чаще всего в треугольнике при слиянии двух рек, чтобы была защита водой с двух сторон. Рвом приходилось тогда окапываться только с третьей стороны.

Кто бывал, например, во Пскове, тот знает, что самая старая часть города—Кремль—стоит на вилке между Псковой и Великой. Строили князья такие города-крепости, чтобы из них выезжать во всю округу собирать дань, свозить полученное добро в город. Ходил князь на сбор дани не один, а со своей дружиной, со своими воинами. Не всегда он брал с жителей славянских поселков положенную дань, очень часто требовал больше, старался забрать все, что было поценнее из пушнины, из мехов, добытых охотниками. Из своих городов совершал князь с дружиной набеги на соседние славянские племена, еще не платившие ему дани. Славяне делились в те далекие времена на несколько отдельных племен. Во время набега князь со своими дружинниками забирал людей в плен и продавал их потом в рабство. В ту пору торговали рабами «челядью», как всяким другим добром.

Если князья с дружинниками жили и богатели набегами, грабежом, то и на них в свою очередь нападали другие такие же привычные к войне и набегам соседи: грабили, жгли города, уводили людей в плен. От нападения и приходилось города огораживать, укреплять, как крепости.

Всю полученную дань князь с дружиной не употребляли сами на свои нужды. Набирали столько добра, что пускали его на продажу, на обмен с соседними странами. Этот обмен происходил совсем не так, как теперь, когда заграничные товары привозят к нам в портовые города на морских пароходах, и мы возим свой хлеб, лес, лен в другие страны на наших пароходах.

2

Никаких пароходов тысячу лет назад не существовало; плавали даже по морям на больших ладьях, шедших под парусами, а когда не было ветра — на веслах [1]).

Древнейший город.

У городов, которые тогда уже разрослись значительно, как Киев, Новгород, грузились весной ладьи, много, сразу целый ка-

---

[1]) Если ладья шла на веслах, могла ли она быть очень велика? Может ли наш нынешний пароход итти на веслах?

Если в вашем классе 30—40 человек, то как раз столько вмещала большая ладья, плававшая даже и по морю.

Больше ли людей вмещает нынешний пароход?

Если можете представить себе старинную ладью, нарисуйте ее рядом с пароходом, который можно вырезать из газет или журналов или тоже нарисовать.

раван, теми шкурами, воском и медом, что были зимой собраны князем, как дань. Нагруженные ладьи спускались по рекам к Черному морю, оттуда плыли в Греческую землю в Царьград, как назывался тогда по-славянски нынешний Константинополь. Там все привезенное выменивалось на товары греческие: на шелковые ткани, серебро, золото, вина, оружие. Все полученное от такого обмена увозилось обратно в Киев, в Новгород и в другие города. Шло все это не жителям славянских поселков, а самому князю и его дружине. Залешане, охотники, пахари, «смерды», как их тогда звали, если жили не очень далеко от города, могли себе в городе достать, что нужно было для охоты, вообще для хозяйства: ножи, топоры, серпы. Но за все это городские купцы, князь или дружинники брали с них опять же дорогие шкуры: куниц, соболей, бобров.

Только большинство славянских поселков было разбросано по рекам и речкам в глухих лесах не близко от города, и смерды, жившие в этих поселках, в города не попадали.

Но кое-какой обмен вели все-таки лесные жители. В Смоленской земле в верховьях реки Днепра жило, например, славянское племя кривичей. В своих лесах, богатых смолой—отчего и пошло название Смоленской земли,—делали они хорошо просмоленные крепкие ладьи и снабжали ими своих соседей—Ильменских славян, которые жили в земле Новгородской, а также и других своих соседей, живших ниже по Днепру. За свои смоленые ладьи кривичи выменивали себе то, что им было нужно в обиходе.

8. Водные пути.

Если наша школа стоит на берегу речки Сходни, Москва-реки, Оки или какого-нибудь ее притока, и если мы имеем или можем достать лодку, то нам очень легко совершить летом экскурсию в Москву или в Коломну; точно так же, как школьникам из деревень, лежащих на берегу Невы, сплавать в Ленинград. (Итти пешком гораздо труднее, особенно, если нести за плечами хлеб, котелки, чайники, кружки, необходимые в дороге. Проехать на поезде скорее, чем на лодке, но сложнее, потому что надо иметь деньги на покупку билетов и делать пересадки, если нет прямого сообщения.) Проезд же на лодке беспересадочный и ничего не будет стоить. Мы, значит, отлично понимаем, что сообщение водой очень удобно и дешево, потому и громоздкие грузы: бревна, дрова сплавляют во-

2*

дой, а не везут сухим путем на большие расстояния. Понимаем мы также, что сообщение водой тем удобнее, чем дальше можно плыть, потому самыми удобными реками мы считаем те, которые впадают в море. Это люди давно начали понимать. Приморские жители очень давно стали отважными моряками; плавали в чужие страны, обменивались с чужими племенами тем, что добывали у себя на родине—продуктами своего труда. Когда люди сталкиваются друг с другом, втягиваются в обмен, они от этого становятся более развитыми, образованными. Каждый народ, каждое племя имеет свой накопленный опыт в труде, в хозяйстве, и люди, сталкиваясь друг с другом, невольно этим опытом делятся. Обмениваются не только вещами, но и уменьем ими пользоваться. Например, выменяв у соседей железную кирку или лопату вместо прежней деревянной, человек перенимает и способы ее употреблять. То же он делает и получив смоленую ладью вместо прежнего своего плотика из бревен или самодельной долбленки.

Мы уже знаем, что славянское племя—кривичи—из своей Смоленской земли плавало по соседним местам, развозило свои смоленые ладьи. Проследим по приложенной карте, поплывем мысленно вместе с ними, чтобы видеть, как далеко они пробирались от Смоленска, с верховьев Днепра, к Новгороду на Волхове и к верховьям Волги.

В Москва-реку впадает речка Сходня. Раньше она называлась Всходня, потому что по ней на лодках всходили вверх по течению кривичи, потом перетаскивали, «переволакивали» лодки по-суху, по земле, в реку Клязьму—приток Оки.

Сам город Смоленск на Днепре стоял на большом водном пути. Назывался этот путь «из варяг в греки», потому что варяги, удалые мореплаватели (о которых мы уже говорили), из своей земли (нынешняя Швеция) плавали через Неву, Ладожское озеро и Ловать до верховьев Днепра. Тут им тоже приходилось тащить свои ладьи волоком, а от Смоленска по Днепру они плыли в Черное море и в Царьград, как мы уже знаем.

Водные пути, о которых мы говорили, мы лучше всего запомним, если сами их нарисуем, а еще лучше—если сделаем подвижную карту в земляном ящике.

Это дело совсем не трудное: в невысокий ящик надо насыпать земли. Вырезав из картона моря и озера, прикрепить их тонкими острыми колышками в тех местах, где они должны быть, глядя по

карте. Потом голубыми ленточками проложить реки. Заполнять карту можно не сразу, а по мере того, как проследили путь, по которому плавали кривичи или варяги. Таким образом получится карта нашего края и водных его путей в старину. По этим водным путям мы можем расставить ладьи, вырезанные из картона или выпиленные из фанеры.

9. Жизнь деревни и города теперь.

Мы уже знаем, что люди, живущие на удобных водных путях, т.-е. в хороших природных условиях, могут легче общаться друг с другом и от этого скорее развиваются, становятся образованнее. В их жизни быстрее происходят перемены, скорее идет их история.

Но живут по берегам морей и сейчас дикари совсем необразованные; перемены в их жизни происходят и теперь очень медленно. Они, как это делали их предки тысячу лет назад, ловят рыбу, убивая ее палкой, когда она подходит к берегу большими стадами; а в другое время, когда рыба уйдет вглубь далеко в море, дикари-рыболовы жестоко голодают, едят улиток и всякую мелкую морскую живность, потому что не умеют еще обрабатывать землю и приручать животных.

Значит, перемены в жизни людей происходят тем скорее, чем лучше они ведут свое хозяйство, чем лучше они умеют трудиться, бороться с природой, ее обрабатывать. Мы теперь говорим, что у таких людей выше к у л ь т у р а, они сами культурнее. Культура слово иностранное, оно и значит в точном переводе — обработка; употребляется во многих случаях, и потому его следует запомнить.

Если перемены в жизни племен и народов, их история зависят от того, как они трудятся, то прежде всего и следует обращать внимание на труд людей в том или другом месте, в те или другие времена.

Деревенским школьникам хорошо известно, как трудятся в деревне. Это знают и городские дети, выезжавшие на лето за город. Летом в деревне работа так и кипит: с весны надо унавозить поля, посеять яровое, посадить картошку и огородные овощи. Подоспеет сенокос—надо спешить с уборкой, чтобы трава не перезрела, чтобы сена не погноил дождь. Не успеют с покосом справиться, надо жать озимой хлеб, потом яровой. Так одно за другим—только успевай. Приходится работать от зари до зари с большим напряжением. Наши крестьяне летнее время называют страдой, так как чрез-

мерно напряженный труд действительно мучает, заставляет страдать. Лето нашего края короткое, а зима длинная. Зимой у нас на земле нельзя работать. Это время, если деревня не занимается каким-нибудь промыслом, например, изготовлением деревянных вещей, плетением рогож, лаптей и т. д., является поневоле прогульным. Люди заняты только вокруг дома. Если еще у них почти нет скота — одна лошадь, одна корова, то работы для всей семьи зимой очень мало. Получается невольный очень длинный перерыв в работе.

Выгодно ли это для хозяйства?

Нет. Конечно, невыгодно. Те крестьяне, у которых, кроме обработки земли, есть другие занятия: уход за скотом, приготовление масла и мяса, плетение сетей для рыбной ловли и сама рыбная ловля, те крестьяне правильнее распределяют свой труд между зимними и летними месяцами—их хозяйство идет лучше. Но всетаки не всяким трудом можно в деревне заниматься совсем успешно. Если крестьяне, например, занимаются обработкой льна или шерсти, прядут и ткут, то у себя в избах они не могут этого делать так же хорошо и скоро, как это делается сейчас в городе на фабрике, где работает машина.

Вот тут мы и подошли к тому, как работают в городе. В городе есть мастерские, заводы, фабрики. На них трудятся рабочие сообща, иногда тысячами на одном заводе. Труд между работниками разделен очень точно, машина двигается паром или электричеством—она заменяет силу многих людей. Например, одна прядильная фабрика с тысячью рабочих заменяет шестьдесят тысяч прях.

Всякому ясно, что машиной работать выгоднее, чем вручную.

Но для того, чтобы работать на фабриках и заводах, людям приходится жить в городах, занимать квартиры в больших домах.

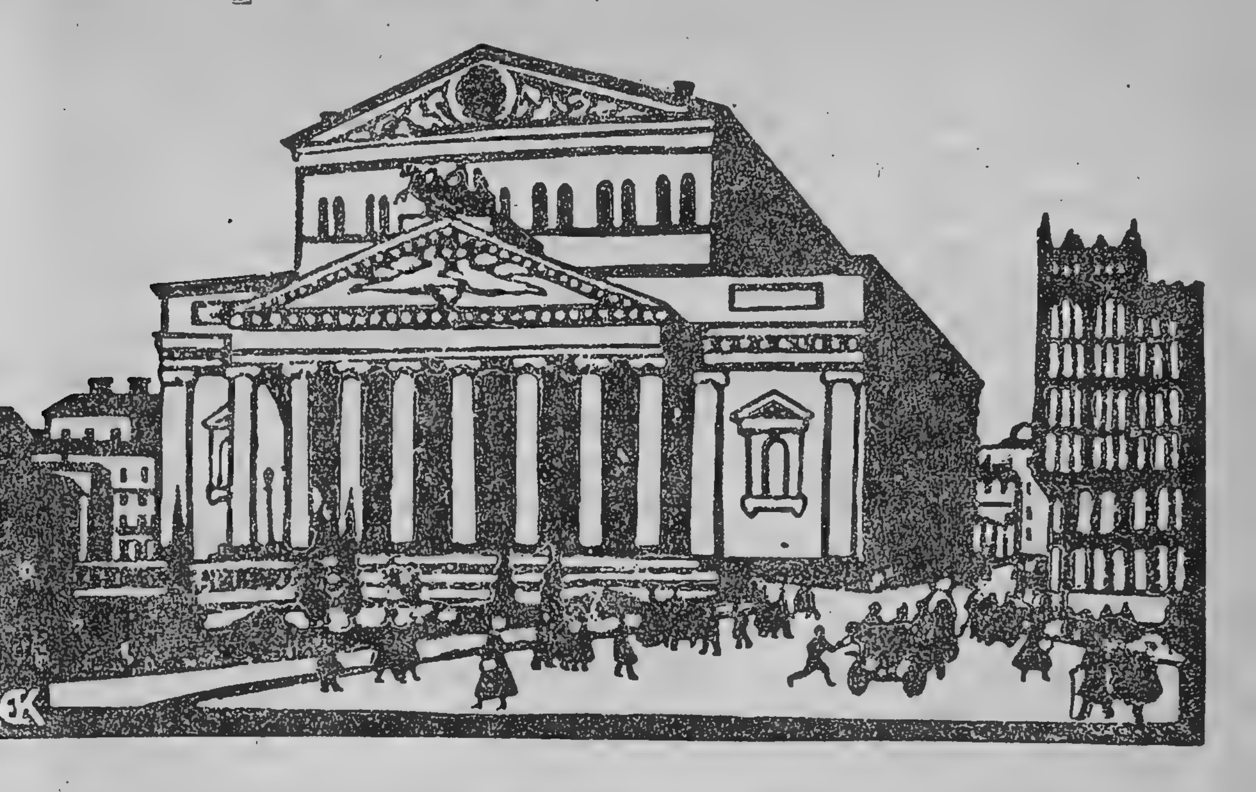
Как устроен городской дом?

В нем есть водопровод, электрическое освещение, устроенное многими людьми сообща для всех, для общей пользы. В городах проведен и трамвай, тоже для всех; есть театры, библиотеки, музеи, большие залы для собраний.

В деревне ничего этого нет, там жизнь идет иначе, чем в городе.

Если бы часть учеников класса описала жизнь своего города так, как они ее наблюдают сейчас, а часть школьников, почему-нибудь ближе знакомых с деревней, описала бы жизнь деревни, которую они сами наблюдали, то получилась бы интересная для

всех история современной городской и деревенской жизни в понимании и передаче школьников [1]).

Большой театр в Москве.

10. Город и деревня в старину.

Древние города нашего края совсем не были похожи на наши нынешние города. В древних городах не было никаких фабрик, никаких крупных мастерских и, конечно, никаких удобств современного города: ни водопровода, ни электричества, ни трамвая. Не было и таких больших домов, как теперь, в которых живет много жильцов. Прежде почти каждый городской житель, кроме рабов-холопов, имел свой собственный дом, большой или маленький, глядя по достатку.

---

[1]) Если школа не выезжает на лето за город, то надо непременно совершить весной и осенью ряд экскурсий на крестьянские поля, чтобы наблюдать самим, как трудятся сельские жители. Если есть возможность посетить учхоз или какое-нибудь опытное поле, надо и этим воспользоваться. В географии С. П. Бобина прочесть: „О тракторах“, „Великий смотр“, „Коммуна Красная Роза“.

Над главой „Жизнь деревни и города теперь“ можно подольше, хоть целый месяц поработать для того, чтобы ясно себе представить жизнь нашего края. Потом мы будем к этой главе все снова возвращаться, изучать эту жизнь подробнее.

Лет около восьмисот тому назад, в двенадцатом веке нашего летоисчисления, люди в городах уже делились по достатку на богатых и бедных. Сами города, особенно Киев, Новгород, успели разрастись, застроиться княжескими хоромами и церквами.

Но на-ряду с такими богатыми хоромами, где-нибудь подальше от центра города, стояли домики, очень похожие на деревенские избы.

Вот, например, описание древнего Киева той поры:

«...Часть города, так называемый «Подол», лежит внизу, у самой реки. Другая, главная часть—«Верхний город», разбросана по высоким зеленым холмам и окружена валом и стеной; стена сложена из засыпанных землею деревянных срубов. На одном из холмов, как раз над Подолом, возвышается киевский кремль—«детинец», окруженный особой стеной и почти сплошь застроенный монастырями и церквами, каменными и деревянными. Здесь же, в детинце, находится и обширный двор великого князя. Прямо против ворот—княжий терем; с обеих сторон его—ряд построек, в которых помещается княжеская дружина и дворовые холопы князя, в глубине двора—кухни, кладовые, погреба, бани, конюшни и другие службы.

Большой двухэтажный каменный терем с высокой крышей построен еще княгиней Ольгой на месте старых деревянных хором. В нижнем этаже терема — часовня и помещение для прислуги. Высокое крыльцо на точеных столбах ведет в верхний этаж, занятый княжеской семьей. Здесь находится большая светлица, где княжеская семья обычно проводит время. К просторным сеням примыкают спальни — «одрины», или «ложницы»; из сеней же ход в «гридницу»—комнату для гостей и для пиров князя с дружиной. В гриднице по стенам стоят широкие лавки, перед лавками — длинные столы, за которыми князь пирует с дружинниками. На полках по стенам расставлена золотая и серебряная посуда; рядом развешены княжеские доспехи, боевое и охотничье оружие, большей частью иноземной работы: тяжелые мечи с дамасскими клинками и богатыми рукоятями, островерхие латинские шеломы, кольчуги из мелких железных колечек, широкие щиты, окованные железом, с серебряными украшениями, тугие луки, узорные колчаны со стрелами, длинные копья с красными древками...

Из детинца спуск на Подол. Эта часть города населена «черными людьми» — ремесленниками, чернорабочими, мелкими торговцами; богатые бояре тут не живут. Грязные кривые улицы за-

строены тесными избами и глиняными мазанками, в которых ютится беднота. Многие постройки на сваях, так как во время разлива Подол заливает водою. В устье речки Почайны, защищенном песчаной косой от напора днепровских волн, устроена пристань. Осенью здесь сравнительно тихо, но весною и летом здесь стоят сотни торговых судов. Одни из них пришли с товаром в Киев и разгружаются у пристани; другие зашли сюда на перепутьи, по дороге в Царьград: нужно дать людям отдохнуть после долгого плавания по рекам и трудной переправы через волоки, собраться с силами для еще более долгого и трудного пути через днепровские пороги и бурное «Русское море»; нужно подождать других гречников [1]), чтобы легче было отбиться от диких степных кочевников. Тем временем суда запасаются провиантом в дальнюю дорогу и принимают для доставки в Царьград местные киевские товары. Работа кипит; по берегу снуют полуодетые загорелые люди с грузом на плечах; шум и крики стоят в воздухе...» [2]).

Из этого описания мы видим, что в городе жили люди разного достатка—богатые и бедные. Одни трудились, другие торговали, занимались военным делом, походами, набегами на соседей; занимался князь с дружиной и охотой, не только для развлечения, но и для того, чтобы добыть дичи, дорогих мехов, освободить окрестности города от хищных зверей.

Описание жизни тех времен, которые до нас дошли, касаются главным образом городов, городского быта. Дошли до нас также сборники судебных обычаев. Такой сборник, дошедший до нас под названием «Русская Правда», составился окончательно лет семьсот назад. Но начали записывать судебные обычаи еще в X веке. По этим записям судебных обычаев мы и можем себе представить, как шла жизнь в ту пору. Существовал, например, тогда обычай за увечье и за убийство человека платить его семье деньги, и платили за убийство боярина в 16 раз дороже, чем за убийство простого смерда, т.-е. крестьянина. Значит, люди в ту пору не были друг другу ровней.

Чем богаче становились князья да бояре, тем значительнее становилось неравенство. Беднота и тогда уже чувствовала утеснение богачей, живших чужим трудом. Случались в Киеве, в Новгороде, во Пскове возмущения, восстания городской бедноты

[1]) Купцов, торгующих с Грецией.

[2]) Е. Мороховец, „В старом Киеве"—сборник рассказов „Наше прошлое".

против бояр и князей. Но восстания почти всегда подавлялись боярами с большой жестокостью. На их стороне была военная сила.

Так жил в старину город.

Теперь постараемся представить себе, как жила деревня. Описаний деревенской жизни сохранилось меньше. Но про старину говорят нам и самые слова, сохранившиеся в нашем языке со старых времен.

Вот само слово деревня значит выдранная из-под леса пашня. Деревенские жители, смерды, занимались, следовательно, тем, что врубались в леса, расчищали пашни, возделывали землю.

В те времена, которые от нас отстоят больше чем за тысячу лет, обработка земли велась даже вручную: раздирали землю из-под пала, как мы уже говорили в нашей беседе о древнейших славянских поселках, сначала ручной мотыгой, потом суковатым бревном, которое люди волокли сами без лошади, так как конь в ту пору был еще в нашем краю большой редкостью. Но вот двести лет спустя, т.-е. восемьсот лет назад, землю стали пахать сохой, запряженной лошадью. Прежняя суковатая палка обратилась в соху. Само слово соха прежде значило палка.

Но деревенскому жителю, смерду, работавшему на земле, не легко было добыть коня. Зачастую был он вынужден занять рабочую лошадь у того богача боярина, у которого их были уже целые табуны. Если смерд получал кобылку, то обязан был вернуть ее с приплодом, с приростом. (Жеребенка себе оставить не смел.) Отсюда и пошло слов рост, ростовщичество [1]). Восемьсот лет назад уже существовало, значит, в нашем краю ростовщичество, и с него бояре богатели. Ссужали они не только скот, но и деньги на покупку скота и орудий для обихода. Деньги тоже надо было отдавать с лихвой. Если взял, например, сто рублей, то через год отдавай сто двадцать, а то и больше. Если должник не мог расплатиться, то его боярин брал в работу, чтобы он своим трудом отрабатывал долг; пока не отработает, останется все равно что холоп, раб своего заимодавца-боярина.

Прежде, как мы знаем, князья и дружинники продавали рабов в далекие страны, а с ростом земледелия и ростом боярских земель, расчищенных под пашню, стало увеличиваться и число

---

[1]) Теперь ростовщиками называют тех, кто дает деньги взаймы под проценты.

рабов-холопов, работавших на такой боярской пашне. И в холопы попадали не только захваченные на войне, но и должники.

Не одним только земледелием занимались деревенские жители. Они по-прежнему охотились на зверя, на птицу. Занимались также и бортничеством, т.-е. собирали мед и воск лесных пчел. Бортничество—от слова борть, лесной улей. Это вовсе не был такой улей, какие мы сейчас встречаем на пасеках, а просто дуплистое дерево, в котором жили пчелы. Когда лесной житель находил такое дерево, он ставил на нем свой знак—знамя, как тогда говорилось,—и осенью, выкурив пчел, забирал мед и воск. Сначала таким хищническим добыванием меда дело и ограничивалось, но потом люди научились подстерегать весной пчелиный рой и сажать в свою борть.

11. Обрядовые песни и «старины» [1]), как память народа о былом.

Выдь на Волгу—чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песнью зовется,
То бурлаки идут бичевой...

Некрасов.

Почему наша старинная народная песня такая печальная, заунывная? Даже тогда, когда ее поют не за тяжелой работой, а на пиру, на свадьбе, на деревенском девичнике, она хватает за сердце своим скорбным напевом и словами.

Потому наша прекрасная старинная народная песня грустна, что тяжела была история нашего трудового народа.

Мы уже вели беседу о том, что в старину деревенским жителям приходилось трудиться над землей в очень тяжелых условиях. Князья не только брали с них дань, но и разоряли их поселки, вытаптывали поля, когда нападали друг на друга, даже и нападали-то для того, чтобы «ополониться челядью», т.-е. взять в плен, «в полон», побольше рабов-холопов.

Тревожили крестьян и набеги соседей с юго-востока—степных кочевников. Из южных степей нападали на наших предков, жгли,

---

1) „Стариной", а по-городскому „былиной", называется старинная песня, которая теперь не поется, а сказывается нараспев деревенскими сказителями старины.

грабили, уводили их в плен сначала печенеги, потом половцы и, наконец, татарские орды, пришедшие из азиатских степей.

От такой напасти, от княжеских усобиц, от нападений степных кочевников уходили деревенские жители, пахари, землеробы, все дальше вглубь северных и восточных лесов; теснили там в свою очередь финские племена и занимали их области. В нынешнем северо-западном районе они потеснили на север финское племя водь. В нынешней Московской губернии они слились с мерянами, тоже финским племенем.

Обрабатывать землю в лесистом краю с его суровым климатом, с долгой зимой, было очень трудно. Богатырскую силу должен был приложить народ к тому, чтобы расчистить, выдрать из-под леса свою пашню. Об этом труде пахаря-«оратая», как назывался пахарь по-славянски, сохранилась в народе «старина» про «Микулу Селяниновича». В этой старине богатырь Вольга, проезжавший со своей дружиною хороброю «к городам да за получкою», т.-е. за сбором дани, повстречал в чистом поле оратая.

«Как орет (пашет) в поле оратай, посвистывает,
Бороздочки он да пометывает,
Пенье-коренья вывертывает,
Большие-то каменья в борозду валит».

В этом описании перед нами живо встает картина северной пахоты на каменистой, выдранной из-под леса почве.

Богатырь Вольга приглашает пахаря-оратая с собой в путь-дорогу. Оратай соглашается, выпрягает свою кобылку соловую из «сошки кленовой» и едет с Вольгой. По дороге он спохватывается, что оставил при дороге свою сошку кленовую. Вольга посылает, по просьбе оратая, свою дружину—

«Как бы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков [1]) земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст».

Но вся богатырская дружина Вольги не в силах поднять сошку оратая.

---

[1]) Лезвие сохи.

«Они сошку за обори[1]) вокруг вертят,
Не могут сошки из земли выдернуть.
Тут оратай-оратаюшко,
На своей ли кобыле соловенькой,
Приехал ко сошке кленовенькой.
Он брал-то ведь сошку одной рукой.
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у кобылы расстилается,
А грива-то у нее да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да оставается.
Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать.
— Ты постой-ко ведь, оратай-оратаюшко!
Как бы этая кобыла коньком бы была.
За этую кобылу пятьсот бы дали.
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребеночком,
Жеребеночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей,
Как бы этая кобыла коньком бы была,
За этую кобылу цены не было бы.
Тут проговорил Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отчеству?
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-тон апашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
«Молодой Микула Селянинович!»

---

[1]) Оглобли.

Из этой «старины» видно, что подвиг пахаря, поднявшего целину нашего края, ставится народом выше всех богатырских военных подвигов. Даже кобылка оратая оказывается гораздо лучше богатырского коня Вольги.

Не следует думать, что эти песни о старине—«старины»—слагались с самого начала деревенскими жителями. Слагались они певцами-дружинниками. Это можно заключить из того, что большинство «старин» воспевает ратные подвиги богатырей и пиры князя с дружиной в очень давние времена.

Потом эти старины стали распевать странствующие гусляры. Они были людьми веселыми, готовыми высмеять всякого. За это гусляров-скоморохов гнали, преследовали. Духовенство считало скоморохи. Гусляры очень любили свое искусство—музыку, пение. великими грешниками «слуг сатаны», «скоморохов, гудцов и прочих глумотворцев» и проклинало не только их самих, но и тех, кто любит слушать их игру и пение. Тем впоследствии [1]) грозило «наказание без пощады», битье кнутом, батогами. У этих бродячих артистов отнимали и жгли их музыкальные инструменты, «гудебные бесовские сосуды» и ссылали певцов в украйные города.

Но народ любил скоморохов-гудошников [2]) и гусляров, и, несмотря на все преследования властей духовных и светских, скоморохи разнесли старинные песни по деревням, народ эти песни запомнил и сохранил, передавая из поколения в поколение уже своим крестьянским сказителям.

Так как крестьянский уклад жизни лучше всего сохранился на севере в Заонежье, в Архангельской губернии, то именно там и сохранились старины.

Где-нибудь в лесной глуши, у костра варят рыбаки себе уху на ужин и слушают старика-сказителя или плетут сети в длинные зимние вечера под напевный сказ старухи-сказительницы. Говорится в старине про степь широкую, про Днепр, Дунай или про Ильмень-озеро, и из этого видно, что сложилась старина не здесь, ни среди северных рыбаков, а здесь только хранилась любовно и бережно.

---

[1]) В XVII веке.

[2]) Давно уж перевелись скоморохи, но любовь и память о них живет в народном языке в пословицах, прибаутках: Всяк спляшет, да не всяк скоморох.—Из лука не мы, из пищали не мы, а попеть, поплясать—против нас не сыскать.—Голосом пляшет, а ногами поет.—Скоморох попу не товарищ.

(В. Князев, „Русь в пословицах".)

Разобрав эти пословицы внимательно, можно выяснить, в какие времена они зародились.

Но, конечно, эти старины, воспевающие былое, не передают происходившего исторически точно. Тут многое прибавлено, многое изменено по вкусу тех, кто хранил эту устную старину.

Мария Кривополенова. Сказительница Архангельской губ., род. в 1844 г.

Крестьянское участие в творчестве старин отразилось, конечно, и в том, что самым славным богатырем оказался оратай Микула Селянинович.

Кроме старин, поются в деревнях обрядовые песни, например, на свадьбе и во время девичника. Тот, кто бывал на деревенской свадьбе, особенно в далеких от города деревнях, где старина лучше сохранилась, знает, что полный свадебный обряд очень похож на театральное действие.

Приезжает ли дружка от жениха к невесте—он должен войти по особенному и говорить не так и не то, что говорится в обиходе. Он рассказывает про какую-то куницу, которую жених подстрелил из лука и которая, добежав до невестина дома, в нем скрылась. Под этой куницей он разумеет, конечно, самое невесту. Дружке отвечают, как полагается, несколько раз отказом. Потом девушки с него требуют выкуп—деньги, сласти. В ответ на его слова девушки поют положенные песни.

Невеста, собираясь к венцу, и вообще в день свадьбы с самого утра плачет с причитанием; прощается с родным домом, с отцом и с матерью, будто она с ними расстается навек, жалуется на то, что отдают ее в «чужедальнюю сторонушку» за «чуж-чужанина». Говорится все это даже и тогда, когда жених — ее односельчанин и она его знает с детства. Значит, для нас ясно, что все играют в расставание, в дальний увоз, во что-то такое, что порой нам и не понятно.

Играют иногда очень задушевно, плачут так, что даже посторонних слушателей прошибает слеза.

Что же значит весь этот удивительный о б р я д, как мы теперь эту игру называем? Откуда он ведет свое начало?

Ведет он его, конечно, от седой старины. Ведь сейчас про куниц и соболей ничего не слышно во многих деревнях нашего края. На этих ценных зверьков давно не охотятся ни в Ленинградской, ни в Московской, ни в Новгородской губерниях, потому что куницы и соболя тут больше не водятся. Никто у нас больше не стреляет из лука, уже сотни лет не стреляет, потому что даже у сибирских тунгусов есть ружья, а не только у наших охотников. А в свадебном обряде все время упоминается тугой лук и стрелы каленые.

Уж по одному этому мы можем судить, что обряд дошел до нас от той поры, когда наши предки жили в глухих лесах, жили далеко разбросанными поселками. Условия жизни были очень суровые. Нравы жестокие. Жена попадала в доме мужа в положение рабы или, во всяком случае, общей служанки. Ее и сейчас жених после венца слегка ударяет плеткой в знак своей власти. Выходила девушка в старину вовсе не по собственному выбору. Случалось

даже, что жених со своими друзьями налетал на поселок и невесту похищал. Потом стали невесту покупать у ее родителей.

Если присмотримся к деревенскому обряду поминания умерших, прислушаемся к причитаниям на могилах родителей, то тоже поймем, что и этот обряд очень древний. Он нам рисует древние верования. На могилу и сейчас приносят крашеные яйца, кутью. Повелось это с тех пор, как наши предки, славяне, кормили своих покойников, старались их умилостивить, чтобы они живым не вредили, а, наоборот, помогали бы в хозяйстве.

В древности у славян хозяин дома [1]), старший, набольший, распоряжался всем хозяйством, обучал младших членов семьи,— как надо расчищать лес, сеять по полю жито, как надо обходиться с «бортными» «ухожаями».

Люди в ту пору были совершенно незнакомы с наукой, с тем, как мы сейчас об'ясняем явления природы. Их все кругом пугало, от всего они ждали напасти, поневоле искали они поддержки у старшего опытного охотника, рыболова, пахаря. Искали этой поддержки и после его смерти. Древние славяне верили, что в человеке есть двойник, который и после его смерти, хотя невидимый, но может охотиться, ездить на своем коне, ловить рыбу. Потому с умершим в могилу клали все необходимые ему на том свете предметы. Мужчинам клали оружие, женщинам иглы, серпы. Все это теперь в древних могилах найдено.

Теперь значит мы уже запомним, что о далеких временах нам говорят старины, обряды и обрядовые песни, а также и предметы, сохранившиеся от древнего обряда погребения в могилах [1]).

12. Встреча весны, посев, жатва, заклинания сил природы.

Не только на нашем севере в Заонежье, в Архангельской губернии, сохранились остатки старины: обряды, песни, поверья.

Все это сохранилось и в Белоруссии и в Сибири, потому что там много мест глухих, лесистых, удаленных от больших городов и железной дороги.

---

[1]) Городским школьникам, а может быть, и сельским, удалось, наверно, побывать на современной комсомольской свадьбе, пусть они опишут, как рабочая молодежь по-новому веселится, создает свой новый быт. Красные похороны тоже совсем иные, чем прежде. Опишите, те, кто видели, кто слышали, надгробные речи, чтобы сделать сравнение—„горе и радость теперь и прежде". Зарисуйте или вырежьте снимок из газеты или журнала для своего музея.

Сибиряки-приангарцы, т.-е. живущие по реке Ангаре, в очень глухой местности, и сейчас рассказывают о «хозяевах», делят их на «лесовых», «гумных», «банных».

В деда домового верят старики и в Белоруссии. Там, когда семья переходит в новую хату, то, перенося в горшке со старого очага горячие угли, бабка просит домового перейти в новый дом и по-прежнему помогать хозяину, беречь скотину, ничем не вредить, не гневаться. Это все идет из седой старины, это отзвук старинных верований, о которых говорилось в прошлой беседе.

Но вот посмотрим, какие сохранились в деревне празднования, как там встречают, например, весну?

В городе наступление весны не так заметно. Хотя и городских школьников радует весеннее солнце, но с ним они ничего не связывают. А для сельских жителей весна несет надежды на удачный посев, на хорошие всходы, на урожай. Потому деревенская молодежь весной водит хороводы, например, в Семик, девичий весенний праздник, украшает березку «гостейку» и поет особые песни. Еще не так давно девушки наряжали «гостейку» в девичье платье, приплетали ей косу из кудели, украшали корольками (бусами), пели ей песню: «Елья, елья—березонька, елья—кудревата» [1]).

Предки наши березку считали живым существом, как и все предметы в природе. Березка напоминала весну своими ранними молодыми листиками. Но весну встречали и встречают в деревне еще раньше, чем опушится березка. Отмечают играми прилет жаворонков, приурочивая его к весеннему равноденствию.

Теперь эти игры и гулянья—простая забава, развлеченье, а прежде и хороводы и песни девичьи имели особый смысл. Или заклинали, уговаривали, например, дождь поливать посевы, чтобы они дружнее всходили. И сейчас еще деревенские ребятишки припевают весеннему дождичку: «Лей, дождь, поливай, дождь: на мужичью рожь, на девкин овес, на бабий ячмень, поливай весь день»... Распевая свою песенку, они и не подозревают, что это старинное заклинание дождя, дошедшее до них из поколения в поколение через многие сотни лет.

Мы также совсем не задумываемся над тем, что наш румяный масленичный блин, которому мы отдаем должное внимание и в городах, пекся прежде во славу и в жертву солнцу, даже его изображал своей круглой формой. Пекся, чтобы красное солнышко уми-

---

[1]) А. А. Макаренко—„Сибирский народный календарь".

лостивить, приманить его живительные лучи на наши поля, чтобы растопили они снег и чтобы можно было приняться за весенние работы [1]). Таким же солнечным праздником были зимние коляды, праздник, приуроченный нашими предками к тому времени, когда солнце поворачивает на лето и удлиняется день.

13. Патриархальный быт в старину.

Всякому ясно, что теперь мы живем не в одиночку, а в обществе. Сами работаем на общую пользу и не можем прожить без помощи других людей—без вещей, изготовленных многими рабочими на фабриках и заводах, без хлеба и овощей, выращенных сельскими жителями, и многого другого, что дает нам человеческий общеполезный труд — как физический, так и умственный.

Вне общества современный человек прожить не может. Если бы какой-нибудь нелюдимый чудак вздумал сейчас уйти в пустыню с голыми руками, чтобы не воспользоваться орудиями, изготовленными людьми из материалов, добытых людьми же, — такой безумец погиб бы очень скоро в непосильной борьбе с природой.

С очень давних пор, как мы уже знаем, борется человек с природой сообща, общими силами. Также и наши предки тысячу или восемьсот лет назад жили в обществе, сообща боролись с природой.

Конечно, люди тогда не сознавали себя членами одного человеческого общества. Этого очень многие образованные люди и теперь не сознают, оттого и возможны вражда и войны. Восемьсот лет назад, как мы уже знаем, тоже шли вражда и война. Даже когда открытой войны не было, то сильный не прочь был напасть на слабого, отнять у него то, что тот успел добыть своим трудом.

Но все-таки совместный труд, совместная борьба с природой заставляли людей не только враждовать, но и сживаться друг с другом.

О кем же люди сживались прежде всего?

Конечно, со своими родичами, не только близкими, но и с дальними родственниками, с целым родом. Род — это разросшаяся

---

[1]) Остатки старины солнечного культа сохранились в поверье: „В какой день на Масленке будет всего теплее (напр., в четверг, в пятницу), в тот день сей больше пшеницы—урожай будет". („Сибирский народный календарь" А. А. Макаренко.) Выходит, будто солнце, древнее божество, в „Масленку", в свой первый весенний праздник, весть подает: когда крестьянину сеять.

семья, помнящая еще своего общего родоначальника, хотя бы давно умершего патриарха, как мы теперь говорим, а тогда называли щур или чур[1]). Такой родоначальник-патриарх, умирая, передавал свою власть старшему в роде. Власть у старейшего, у распорядителя всем хозяйством и всем родом, была очень велика — он мог казнить и миловать всякого своего родича по своему усмотрению.

Кто читал« Тараса Бульбу» Гоголя, тот помнит, как Тарас, убивая сына, говорит: «Я тебя породил, я тебя и убью». Так рассуждали всегда наши предки. Убийство отцом своего сына или дочери не считалось убийством.

Вспоминая про те далекие времена, мы говорим, что люди жили тогда родовым патриархальным бытом, от слова «патриарх». И жили так не только славяне, но и финны, и варяги, покорявшие славян и финнов. Когда варяжские князья стали распоряжаться в городах и поселках нашего края, они так и смотрели на все земли, как на свою родовую собственность. После смерти старшего князя его власть переходила к старшему в роде, чаще всего к его брату, следующему за ним по старшинству. Тот должен был стать для других братьев «в отца место», т.-е. вместо отца. Но далеко не всегда соглашались братья за отца его признавать. Сам он тоже норовил для себя набрать побольше городов, да таких, которые побогаче. Через это и возникали войны между братьями-князьями.

Патриархальным бытом жили и смерды-крестьяне. Большой семьей сообща легче было расчищать, выдирать землю из-под леса для пашни. Старший, набольший, распределял работу, распоряжался, указывая, когда пора сеять, когда косить траву, когда убирать хлеб.

И сейчас в глухих деревнях, где ничего не знают о научных наблюдениях над погодой, старик, знающий все приметы, умеющий выбрать время сева и уборки хлебов и трав, пользуется большим почетом. На него глядя и другие выходят в поле сеять или убирать хлеб. Пока до людей не дойдет наука, они вынуждены пользоваться опытом, накопленным стариками, перенятым ими от их дедов и прадедов. Этим-то и держался всегда патриархальный быт.

Теперь мы знаем, что наука помогает людям в их борьбе с природой, что наука опыт всех прежних веков приняла во вни-

[1]) Отсюда наше слово—пращур, прадед.

мание, записила и проверила. Но есть и теперь еще темные, необразованные люди, непризнающие науки. Они думают, что опыт дедов и прадедов—достаточная помощь в борьбе с природой. Стоит только не нарушать старины, и все пойдет хорошо. Думают так люди, ведущие свое хозяйство так же просто и несложно, как велось оно многие сотни лет тому назад, выдирают они пашню из-под леса и на выжженном месте сеют хлеб. Но как только сложнее становится хозяйство, как только переймут сельские жители у соседей лучший способ обрабатывать землю и разводить скот, они начинают тоже понимать значение науки, которая знает гораздо больше, чем старики со всем их долгим опытом.

Городские рабочие давно уже смотрят на дело правильно. Они знают по опыту, как велико значение науки для человеческого общества. Они сообща работают на фабриках, заводах, в шахтах и рудниках. Они знают, что наука и труд создали машины, без которых теперь человек уже не может прожить, не может бороться с природой. А с ней надо бороться, а не молиться ей и не заклинать ее. Рабочие знают, что наука помогает бороться со стариной, с суевериями, с остатками патриархального быта, дошедшими до нас от наших далеких предков. Знают, что надо бороться с этими обломками старины, потому что они мешают строить жизнь по-новому, согласно науке.

Для чего же нужно нам изучать жизнь этих далеких предков?

Да именно для того, чтобы видя, как жизнь менялась, от каких причин, знать, как она меняется в настоящее время и как она будет быстро меняться тогда, когда все люди сознают себя, наконец, членами одного человеческого общества, перестанут воевать, убивать друг друга и освободятся окончательно от старого патриархального быта, вступят в новый быт, радостный и светлый.

ХРЕСТОМАТИЙНЫЙ МАТЕРИАЛ.

(К № 1.) Дом для школы.

Л. М. Капица.

Сегодня мы пойдем осматривать строящийся дом для нашей школы. Тесно и мрачно в старом помещении школы—деревянный одноэтажный домик совсем покосился, почернел, и все говорит за то, что он уже отжил свой век. Долго собирались, ждали разрешения и денег для нового дома, но вот, наконец, разнеслась весть о начале постройки. Все мы засуетились, заспорили о месте, выбранном для школы, и материале, из которого будет сделано здание. Знали только, что дом будет двухэтажный, с высокими потолками, со светлыми комнатами. Это здание строится специально для занятий и, конечно, к этому совсем приспособлено. Мы стремились посмотреть и познакомиться с постройкой. Нам всем хотелось с самого начала присутствовать при возведении этого здания, где мы проучимся еще несколько лет, где мы получим столько знаний.

На месте постройки нас встретил техник, а кучи наваленного материала—кирпича—ответили на один из наших вопросов: дом строится из кирпича и будет, следовательно, каменный. Почему из кирпича, а не из дерева? Как делается кирпич и откуда его привезли? Вот первые вопросы, которые посыпались на техника, и он, улыбаясь, начал нам подробно об'яснять. Совершенно верно, окружающий город лес, много деревянных зданий в городе могут навести нас на мысль, что слишком дорого и сложно привозить откуда-то издалека по железной дороге кирпич, пренебрегая деревом, как строительным материалом.

Но так ли это? Попробуем сравнить дерево с кирпичом и перечислить все их недостатки и достоинства. Начнем с долговечности.

Что простоит дольше и таким образом чем мы сможем пользоваться дольше? На этот вопрос мы можем получить ответ, уже идя к месту постройки по улицам города и всматриваясь в дома. С одной стороны, мы будем встречать довольно много покосившихся, почерневших деревянных домов, а с другой стороны—степенных, как бы уверенных в своей прочности, спокойных каменных. Повидимому, деревянный дом скорей выбывает из строя, и это совершенно верно. Дерево гниет, сохнет, появляются щели, в них попадает вода, и дом постепенно разрушается. Что же касается домов каменных, то разве только облупившаяся краска придает им неприветливый вид, но стоит их покрасить, как опять они, как новые. Но это лишь маленькая частица всех достоинств каменных домов перед деревянными. Вспомним пожары. Огонь быстро уничтожает сухой деревянный материал. Наверно, многие знают, как благодаря маленькой неосторожности со стороны хозяйки при топке печей или от неосторожного курения в один момент сгорала целая деревня, с сотнями изб, и в один день сотня и более людей оставалась на улице без приюта и имущества. Учтя вот все эти причины и не вдаваясь в подробности, можно понять стремление делать дома из камня, которые не боятся огня, долговечны и прочны. Да и можно ли все время вырубать леса? Разве незаметно, что лес как бы убегает от города? За годы войны и разрухи из-за неподвоза сырья и топлива одна только соседняя писчебумажная фабрика сжигала в день 30—50 куб. сажен дров, т. е. большую площадь леса, и, конечно, если так продолжалось бы очень долго, то лес бы сильно сократился и, в конце концов, исчез бы совсем. Теперь уже фабрика получает уголь, в лесу прекращены самовольные вырубки—лес охраняется и о нем заботятся. Как государство, так и мы все отлично понимаем, что с лесом нужно обращаться осторожно. Если и нужно пользоваться лесом, как дровами, досками и бревнами, то следует вырубать более старые деревья и сохранять молодые.

Теперь перейдем к вопросу о кирпиче и посмотрим, как он приготовляется, из чего делается, и как влияет на его стоимость перевозка по железным дорогам. Многие наверно слыхали, что кирпич делается из глины. Глина же,—землистое тело, которое при смачивании водой разбухает, образует вязкое тесто, способное принимать и сохранять любую форму. Последнее свойство называется пластичностью. По степени пластичности мы различаем лепную глину, употребляющуюся при лепке, гончарную или горничную,

применяющуюся при изготовлении посуды, горшков и других вещей, и, наконец, обыкновенную глину — кирпичную. Летом масса больших лодок приплывает со всевозможной глиняной посудой к нам в Ленинград. Лодки останавливаются по реке Фонтанке, Мойке, и мы все можем осматривать и приобретать посуду. Более же любознательные могут путем расспроса узнать, откуда лодки приехали. В Новгородской губернии в Боровичах большие залежи глины, местные крестьяне в начале лета чинят свои лодки и плывут в город для продажи глиняной посуды. Глиняное тесто, после обжога, принимает все свойства естественного камня. Оно будет так же прочно, не размокает в воде. Вот на этом и основано все производство кирпича. Большие залежи глины во многих местах Республики дают возможность получать дешевый искусственный камень, не уступающий по качествам многим естественным. Кирпич, как строительный материал, получил большое распространение, а его свойство еще и сохранять тепло окончательно показывает, что дома из кирпича будут очень хорошие. Производство кирпича можно разбить на пять моментов:

1. Выбор и приготовление глиняного теста.
2. Формовка.
3. Сушка сырца.
4. Обжог.
5. Сортировка.

Кирпичные заводы обыкновенно располагаются у места залежей глины. Прежде всего приготовляют глиняное тесто, стараясь размять все комья и удалить посторонние предметы: мусор, камешки и щепки. Из этого теста формуется кирпич и получается так наз. сырец. Этот сырец часто употребляют на сельско-хозяйственные постройки. Перед обжогом сырца, для придания ему некоторой крепости, его сушат на воздухе, и сушка продолжается, смотря по погоде, от нескольких дней до нескольких недель. Печи, в которых производят обжог, бывают двух типов—временные и постоянные. Первые складываются из сырца, после обжога разбираются, и мы получаем готовый кирпич. Вторые—постоянные, сделаны из настоящего кирпича, в них закладывается сырец, и производят обжог. Топливо бывает уголь или дрова. Размеры печей очень большие, для примера, ширина 4 саж., высота 2,5, длина 7—10 саж. После обжога, смотря по удалению сырца от огня, мы различаем красный кирпич — нормальный, алый — недообожженный и железняк—переобожженный. Красный кирпич имеет пра-

вильную форму, хорошие углы и при ударе издает звонкий, ясный звук. Поверхность шероховатая. Алый кирпич при ударе издает глухой звук. Железняк обыкновенно имеет не совсем правильную форму, употребляется чаще для фундаментов. Перевозка же кирпича по железным дорогам обходится очень дешево, тем более, что заводов так много, и, следовательно, расстояния перевозок очень небольшие. Вот и все, что можно сказать о материале, из которого будет сделано здание для школы.

Разговаривая таким образом, мы подошли к самой постройке. Теперь посмотрим, как начинается возведение здания. Внешний контур будущего дома намечен на земле веревкой, прикрепленной к столбикам. Вся верхняя часть земли снята, и получилась довольно глубокая выемка. Для чего сняли поверхностную землю, станет понятно из следующего примера: когда идет человек по земле, а особенно по неуплотненной, как, например, по песку, то нога проваливается, вязнет, и при этом каблук уходит глубже, чем подошва. Чтò же будет с домом, вес которого очень и очень большой, если мы его выстроим прямо на земле? Наверно, он тоже осядет и, может быть, неравномерно, т.-е. один угол больше, другой меньше. Впоследствии же дом накренится, искривится, и будет даже страшно к нему подойти. Посмотрим дальше. Отчего происходит осадка? Если мы прольем воду на землю, то она сейчас же исчезнет, проникнет вглубь. Следовательно, в земле есть пустые места, куда уходит вода. Вот, под влиянием веса дома, человека или другого предмета, земля и осядет, и постепенно заполняются пустые места—земля уплотняется. Если же земля недостаточно уплотнена, то вода проникнет вглубь. Но чтò делается с водой, когда она замерзает? Об'ем ее увеличивается, и вода в земле, стараясь расшириться, будет давить во все стороны, и на поверхности земли появится бугорок, называемый «пучина». Это, правда, бывает не при всех грунтах, но во всяком случае это может быть, и такой бугорок приподнимает часть здания. Опять дом накренится, появятся трещины, и обитателям нужно будет скорей выезжать, чтобы не быть задавленными. Из этих примеров ясно, что верхнюю часть земли нужно снять, дойти до плотного слоя, а кроме того, стараться углубиться так, чтобы земля под фундаментом не промерзала, и таким образом, чтобы дом имел бы прочное и крепкое основание. Сняв верхнюю часть земли, начинают возводить фундамент, так называется нижняя часть дома. Эта часть самая трудная и сложная. Фундамент делают из больших естественных

камней и доводят до пола первого этажа. Отсюда уже начинается возведение самых стен из кирпича. Фундамент и стены кладут каменщики. Постепенно укладывается кирпич за кирпичом, связываются раствором, состоящим из глины, песка и воды. Стену возводят по всему контуру дома и стараются делать так, чтобы швы нижнего ряда не приходились со швами верхнего ряда. Так получается крепче и прочней. Что же касается толщины стен, то их делают, имея в виду, чтобы они были прочны и зимой не промерзали. У нас на севере делают в два—три кирпича, т.-е. толщина бывает в два—три уложенных кирпича. При возведении стен оставляют проемы для окон, дверей и таким путем постепенно доходят до верха, где начинается уже крыша. Где будет пол первого этажа, потолок первого и пол второго этажа, закладывают балки—железные и деревянные, на которые настилают пол из досок. Обыкновенно бывает пол двойной для большего сохранения тепла. Нижний называется «черным полом», делается из необделанных досок, здесь не заботятся о внешности, а стараются сделать плотней. Между черным полом и верхним часто кладут смазку, т.-е. опилки, землю, и уже после настилают верхний пол, по которому мы и ходим. Теперь перейдем к устройству верхней части дома, т.-е. крыши. Крыша обыкновенно имеет форму двух наклонных плоскостей, пересекающихся наверху и образующих так наз. «конек крыши». Зачем делают крышу таким образом, на это, я думаю, ответит каждый: нельзя же задерживать воду дождя и снега. Вода по такой плоскости быстро стекает, собирается внизу крыши и отводится трубами вниз. Верхнюю часть дома мы, собственно, можем разбить на две части: кровлю—непроницаемую оболочку, состоящую из железа, толя, руберойта, и стропил—частей, поддерживающих кровлю и отчасти верхний потолок. Стропила бывают сделаны из толстых бревен, они должны быть прочные и выдерживать вес кровли, снег на ней, и должны противиться действию ветра. Попробуйте вынести большой картон или еще что-нибудь плоское и держать на ветру. Ветер будет рвать, уносить картон, и стоит больших трудов удержаться на месте, а маленькому это и не по силам. Но это ведь совсем небольшая вещь сравнительно с крышей. Какая же сила ветра действует на крышу дома? Пойдите на чердак и посмотрите, какие там толстые бревна, они вам ответят отчасти на этот вопрос. Соорудив стропила, их перекрывают досками, а затем и непроницаемой оболочкой—железом, толем. Железо идет в виде листов, очень тонких, размерами 2-х аршин и весом от 10 ф. лист. Что же

касается толя, то это толстая бумага, пропитанная смолой. Она непроницаема для воды, но по прочности уступает железу, и если находила себе применение, то из-за временной дешевизны. Теперь уже в городах толь можно встретить очень редко. Всюду железо, служба и прочность которого гораздо надежнее. Вот и дом вчерне готов. Теперь вместо каменщиков и кровельщиков дом поступает в обработку печников, плотников, столяров, и начинается его отделка. Устраивают печи, круглые железные или большие изразцовые, возводят печные трубы, вставляют рамы, двери, и работа быстро подвигается к концу. Смотря по желанию, обклеивают стены обоями или их по штукатурке красят. Дом теперь принимает все более и более жилой вид. Через несколько месяцев на том месте, где раньше было пустое место, появится приветливое здание с большими окнами и с маленькой вывеской «школа»

(К № 2.) ЗВЕРОЛОВСТВО И ОХОТА.

Ек. Замысловская.

В воскресенье школьники отправились в лес с учителем Николаем Егоровичем и с внуком его Сережей, неделю назад приехавшим из Ленинграда. Они все с нетерпением ждали обещанного учителем рассказа про зверолова Уау.

Еще на опушке леса Николай Егорыч спросил:

— Можете ли вы, ребята, толком об'яснить Сереже, за что вы так любите свой лес?

Дети радостно загудели:

— За грибы, за ягоды, за орехи...

Когда гул утих, Манюшка сказала задумчиво:

— Птиц в нем слушать хорошо, а летом в жару от солнца схорониться... А еще страшные сказки слушать любим—боязно, дрожишь, а хорошо.

— Ну, вот видишь, Сергей, они тебе сразу все выложили, и, правда, их летом из лесу не выманишь. Я даже ссорился с ними из-за этого частенько: надо в нашем опытном огороде поработать в свободные от домашних трудов минутки; во-время сделать запись наблюдений над нашими животными и растениями в школе; а они, чуть урвут часок от полевой работы, шмыг в лес за грибами да за ягодами, с лешими аукаться...

Дети весело смеялись. Сережа спросил:

— Да разве они верят в лешего?

— В школе на уроке, когда обсуждаем серьезно, откуда взялись суеверия, пережитки древних верований, они, пожалуй, и не верят больше в лешего, а как попадут в лес... Да вот ты их самих спроси.

— Нет, Николай Егорыч, шутя это. Мы не верим в лешего, уж не маленькие сказкам верить. Только так это, друг дружку пугаем под вечер...

— Ну, уж как бы там ни было, а леший им из всех сказочных существ милее. Это уже их приятель. Когда-нибудь они тебе, Сережа про него без меня расскажут. Меня они стесняются...

Петюшка выступил храбро вперед.

— Я могу сейчас рассказать. Моя бабушка сказывала, что видала лешего. В лесу он за ней погнался, огромадный, выше лесины вековой, а на поле, как вышли, сделался махоньким и покатился клубочком, в траву схоронился, как бабушка зачуралась от него.

— Вот видишь, какие подробности известны: в лесу большой, а на лугу маленьким обернется.

Коля Осипов сказал серьезно:

— А може, Николай Егорыч, бабка Петюшкина тени испугалась. В лесу тени от деревьев большие, а в поле от кустика от какаго-нибудь тень невелика, даже и под вечер. Со страху всего причудится...

— Это об'яснение разумное, Коля, так оно всегда и бывает, что пугаются люди естественного явления: треснет в лесу дерево, свалится подгнивший сук, крикнет зверь или птица, тень станет поперек тропинки, а человек напуганный видит и слышит что-нибудь сказочное, колдовское...

Тем временем дошли уже до той части леса, где начался густой ельник, среди которого изредка попадались лиственные деревья, еще только слегка опушенные листвой. Тропинка вилась между корней и кочек; местами было трудно пробираться через лужи по накиданным жердям. Когда, наконец, дошли до соснового бора и расположились отдохнуть на сухом высоком месте, Сережа крикнул:

— Ну, теперь слушаем про охотника Уау!

— Хорошо, так и быть, я начну, а потом всякий прибавит, что сможет. Уау жил в ту пору, когда люди уже перестали прятаться от хищных зверей на ветвях деревьев, а спустились на землю и стали жить в пещерах. Все это произошло от того, что

у людей был уже новый друг и покровитель, могущественный защитник от зверей—огонь. Костер, обыкновенно, пылал у самого входа в пещеру днем и ночью. Хотя едкий дым от него стлался в пещере, но люди терпели это неудобство, зная, что костер их спасает от многих врагов. Подраставшие дети, под наблюдением старух, должны были непрестанно поддерживать огонь. Того, кто давал огню загаснуть, убивали беспощадно. У костра все грелись в холодные ночи. Люди ходили уже не голые, как их самые отдаленные предки. Носили одежды из звериных шкур. Пещерные люди давно научились убивать волков, медведей и, содрав с них шкуру, очистя ее от мяса и жира, сшивали себе сухими жилами плащи. Мясо животных, мозг из черепа и из костей, горячая кровь—все это было самым лакомым угощеньем для пещерного человека. Но не всем доставалось это лакомство. Тот, кто не принимал участия в охоте, не смел подойти при дележке. Охотники сами с'едали убитого зверя, а женщинам и детям приходилось обгладывать голые кости. Но бывали случаи, когда все наедались до отвала, вся орда была сыта, и запасливым удавалось даже зарыть где-нибудь в укромном месте недоглоданную кость. Такие пиршества бывали, когда орда убивала огромного зверя, которого мы теперь прозвали мамонтом, хотя его никто из нас не мог видеть живым; даже наши предки, древние славяне, не могли его видеть живым, так как мамонт, как вы уже знаете, вымер десятки тысяч лет тому назад. Пещерные люди той орды, в которой жил ловкий охотник моей сказки Уау, звали мамонта—Уыуу и произносили это слово и с трепетом, и с восторгом. Страшен был этот великан своими огромными бивнями, против удара их не мог устоять ни зверь, ни человек. А желанным был он как добыча охоты, сулившая пир всей орде, возможность наесться сырого мяса и напиться горячей крови допьяна. Но трудно было охотиться на мамонта. Стадами уж он не встречался, как прежде. Уходил все дальше на север от назойливых людишек, подстерегавших его детенышей, убивавших из засады мать, когда при ней был новорожденный малыш. Мамонты любили приволье и переставали водиться там, где им становилось тесно, так же, как и нынешние слоны. Выследить мамонта было большой заслугой для охотника. Надо ведь было вызнать: куда мамонт ходит на водопой, где любит обычно пастись, где можно перенять его путь, выкопав яму, загнать в нее огромное и мощное животное. Тут было работы для всей орды, и такая охота не обходилась без урона для людей. Кто совался

к загнанному мамонту слишком близко, платился жизнью. Надо было и в яме закидать зверя камнями издали, чтобы не угодить под его страшные бивни.

Молодой охотник Уау, гоняясь за вороватой гиеной, которая надоела ему своим воем, увидел на берегу реки, на мокром песке, отчетливый след огромной лапы Уыуу, косматого великана. Охотник забыл сразу обо всякой другой дичи. Сжимая в руке свой оббитый заостренный кремень, чтобы им защититься от нападенья змей, Уау пополз по следу мамонта, стараясь не высовываться из травы. Охотник полз довольно долго, перебрался уже через небольшой лесок и выполз, наконец, на лесную поляну, на которой и увидел мамонта, щипавшего хоботом сочную траву. Сердце заколотилось от страха и от радости, не мог оторваться от великана, но надо было спешить. С такими же предосторожностями выполз охотник обратно к реке и бросился в воду, чтобы вплавь добраться скорее до своей орды, до тех пещер, где жили охотники.

Старики собрались на совет. Надо было поднять всю орду, отправиться к указанному месту сообща, палками вырыть яму и загнать туда мамонта, окружив его разом со всех сторон. Уау, как выследивший зверя, мог быть вождем во время этого похода против мамонта. Ему надо было вручить жезл вождя, сделанный из бивня мамонта с вырезанным на нем изображением косматого зверя. Но Уау был еще молод и недостаточно опытен, и старики не знали, можно ли доверить ему предводительство. Пока они держали совет, Уау палочкой начертил на песке фигуру мамонта. Он с детства имел привычку чертить на песке фигуры животных. У него была ловкая рука и верный глаз. Он только что видел живого мамонта, и тот отчетливо стоял у него перед глазами. Когда старики увидали на песке начерченного мамонта, совсем как живого, они перестали колебаться. Уау сможет околдовать Уыуу, и орда убьет зверя, раз изображенье его так удачно вышло на песке подле костра совета. Жезл вождя был вручен молодому охотнику, и вся орда, кроме старухи, следившей за костром, и малых ребят, которых еще не брали на охоту, тронулась в опасный поход. Охота сошла удачно. Вождь подал знак к началу загона. Поднялся шум и вопль всей орды. Мамонт, наконец, попал в выкопанную яму. Но в ту минуту, когда Уау приблизился к зверю, чтобы бросить увесистый камень ему в лоб и его оглушить, мамонт в ярости подскочил в своей яме, недостаточно глубокой для его гигантского роста,

и ударил бивнем смельчака Уау прямо в живот. Охотник упал навзничь, внутренности выпали из пропоротой брюшины, и Уау умер в муках и судорогах. Сгоряча на это никто не обратил внимания. Зверь был в яме, его забросали камнями и убили. Потом разрезали каменными ножами на части и тут же на месте наелись сырым мясом так, что повалились спать, опьянев от крови и от слишком большого количества с'еденного мяса. Только вой гиен и волков, сбежавшихся на запах крови и внутренностей убитого зверя, заставил об'евшихся людей подняться и, забрав остатки мамонта, навьючив их на женщин и подростков, тронуться обратно к своим пещерам.

Когда старики вернулись домой, они опять собрались на совет, чтобы обсудить, чем умилостивить убитого вождя Уау, который добыл для орды зверя, но сам не попробовал его крови и мозга. Когда они собрались к костру совета, то с ужасом увидали, что изображенье мамонта, начерченное Уау на сыром песке, затоптано следами детских ног. Не сговариваясь, поняли они, что вождь погиб потому, что его заклинанье было нарушено. Старуха, караулившая костер, указала на двух маленьких шалунов-мальчишек, которые подбегали к костру старейших и могли затоптать изображение мамонта. Дети были немедленно пойманы, как маленькие зверьки, и старуха размозжила им камнем головы. Трупы их были тут же розняты на части и с'едены охотниками. Мозг, сердце и печень их сожгли на костре, чтобы угостить этим убитого зверем Уау. Теперь он мог не завидовать оставшимся в живых».

Дети слушали рассказ Николая Егорыча, затаив дыханье, не спуская глаз с рассказчика. Когда он кончил, они, помолчав с минуту, зашумели разом:

— Вот какая с баловниками расправа была в каменный век.

— Пещерные люди, значит, и человечье мясо ели.

— Откуда, Николай Егорыч, известно, что они людоедами были?

Когда притихли, учитель ответил:

— Хоть для нас и неприятно сознавать это теперь, но наукой уже признано, что все отдаленнейшие предки наши, люди каменного века, проходили через людоедство. Это установлено по наблюдениям над самыми дикими людьми, которых современные ученые застали в Австралии, в Африке, в Южной Америке. Такие дикари, знакомые только с каменными орудиями, ели человеческое мясо.

Сережа сказал:

— Значит они хуже волков и собак, потому что те не едят себе подобных.

— Ты ошибаешься, Сережа, в случаях сильного голода все животные, питающиеся мясом, с'едают и своих. Так, к сожалению, поступали и люди. Нам надо об этом знать и помнить, чтобы не заноситься слишком над животными. И еще для того, чтобы постоянно бороться с теми отдаленными предками, которые еще в нас сидят, глубоко-глубоко, так что сразу и не видно. А вот дойдет современный образованный человек до бешенства и, не помня себя, убивает другого человека или наносит ему тяжкое увечье. Мы можем сказать, как это и сказал один американский ученый, что все такие поступки и кровожадные побуждения—это «топот предков в нашей душе». Нам надо бороться с этим в самих себе, бороться непрестанно, особенно вам, подросткам. Вы часто бываете маленькими жестокими дикарями.

— Да ведь мы не убиваем друг друга, Николай Егорыч.

— Не убиваете, но деретесь. Норовите отнять что-нибудь друг у друга. Но теперь за вами очередь. Рассказывайте вы про охоту.

— Нет, пускай Сережа; мы ему рассказывали про лешего. Его черед.

— Я могу, дедушка, вот что рассказать. Это мы видали в Русском музее. Живет в Сибири дикое племя—айны. Вот они охотятся на медведя тоже сообща. Ловят его, но не убивают сразу. Сажают сначала в сруб. Там в музее даже и сруб этот есть, оттуда привезенный, и все снимки с охоты и всего обряда. Посадят айны медведя в сруб, кормят его ягодами. Потом ведут на убой и еще, прежде чем убить, ему кланяются и об'ясняют, что он не должен на них сердиться и им мстить после смерти за то, что они его с'едят. Что он должен помнить, как сидел у них в почете, как они его откармливали. Это их старейший медведю об'ясняет. А потом все-таки его убьют и все сообща с'едят. Наедаются тоже до отвала. Когда мы были с экскурсией в музее, нам это все показывал этнограф, ученый путешественник. который был там у айнов и сам видел их обряды.

Маня перебила:

— А зачем же они медведю кланяются?

— Они его боятся,—верят, что он после смерти может им вредить, как верили пещерные люди.

— Это верно, дети. Сережа хорошо вам рассказал. Когда мы доберемся с вами до Петрограда, сами все посмотрим. Там в музее есть такая витрина, устроено настоящее «мольбище» сибирских дикарей тунгусов. У меня даже захвачен с собой снимок. Вот, видите, тут рога лосей, черепа их, прикрепленные к деревянным, очень простым, но все-таки метким изображениям лося. Тунгусы убивают лося, сохатого, как в Сибири говорят; а потом поклоняются его изображению и заклинают зверя не мстить, а помогать им в охоте. Все охотничьи народы живут в подобных суевериях.

Коля Осипов сказал:

— Мне старик-охотник, который на медведей хаживал, тоже об'яснял, что медведя охотники зовут хозяином и почитают. Убьют, а потом тоже приговаривают. Забыл я только самый наговор-то.

— Вот, вот. В охотничьем обиходе много сохранилось пережитков от древнейших верований, так же как и у хлеборобов, даже еще больше, так как, что̀ древнее: разведение хлеба или звероловство и охота?

Дети ответили разом:

— Охота, охота древнее. Люди охотились еще, когда и в пещерах не жили, а сами на деревьях скрывались от других животных.

— Верно, верно. Это вы хорошо запомнили. А вот скажите мне—наше сельское хозяйство чем со звероловством связано? Что в нем есть от звероловства?

— Домашний скот. Прежде на диких быков охотились, и на диких свиней, и на коз. Потом приручили.

(К № 2.) ДИКАРИ С ОСТРОВА БУРУ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ.

А. Смотрицкая.

Есть и теперь люди, совсем дикие, как мы их называем, которые не живут на одном месте, а кочуют, т.-е. переходят от времени до времени с одного места на другое, не строят постоянных жилищ, не приручают животных, не знают одежды. Они не умеют сеять хлеб и разводить овощи в огородах, у них совсем нет грамоты, азбуки, читать и писать эти люди совсем не умеют. Если они ходят по густому лесу, где нет дороги или тропинка едва заметна, то знающий хорошо эту дорогу кладет на поворотах ветку дерева листочками в ту сторону, куда должно свернуть, чтобы незнающий

4

хорошо дороги, идя по лесу, не заблудился. У них также есть и знак письмо—кусок бревна с одной стороны срезан ребром, и это кладется на видном месте, где должен проходить адресат.

На острове Буру очень жарко, там никогда зимы не бывает. Вместо нашей зимы там идут сильные дожди; деревья всегда цветут и покрыты листьями. Всюду растут густые непроходимые леса. Там деревья так высоки, как наши дома в 4—5 этажей, и многие из этих пальм имеют громадные листья. Жители острова не строят себе постоянных жилищ — придут на какую-нибудь стоянку, выберут ровное место, срубят несколько растущих поблизости молодых деревьев, обрубят на них ветки, с одной стороны заострят, и вот готовы колья для шалаша. Если эта стоянка на долгое время, то они шалаш делают более крепким, выводят стены, делают крышу, так что строение это делается похожим на дом. Здесь они живут по нескольку месяцев, потом уходят и опять сюда возвращаются. Если же стоянка короткая—на два—три дня, то колья вбиваются наклонно, впереди подпираются тоже 2—3 кольями; и стену, обращенную в сторону, откуда дует ветер в это время года, они покрывают огромными пальмовыми листьями. Здесь они разводят огонь в очаге, сложенном из камня, при чем огонь они получают не от спичек,—они спичек не знают, и когда мы зажгли перед ними спичку, то дикарь отскочил в сторону от испуга,—так вот огонь эти люди получают трением одной половинки бамбука о другую, при чем в одной половинке надрезано продолговатое отверстие, под которое подкладывается трут—сердцевина бамбука; трут начинает тлеть, они подносят к нему уголек, раздувают, уголек тоже начинает тлеть, к этому угольку подносят другой уголек, и так постепенно и терпеливо они получают большой костер. Что же эти люди едят? Ведь они не сеют хлеб и не умеют разводить овощей. А вот что они едят. Вместо хлеба им служит такое дерево, которое имеет с'едобные корни. Они продолговаты, конусообразны, покрыты толстой, грубой кожурой. Каждое деревцо имеет по два—три, а иногда и больше таких корневых клубней. Эти деревца растут в диком состоянии, и их, конечно, легко найти, но некоторые научились сажать эти деревца — ствол их очень тонок, его разрезают на части, чтобы на каждую пришлось по почке и закапывают в землю; через 4—5 месяцев получаются с'едобные клубни. Они по вкусу похожи на наш картофель, но несколько слаще и грубее. Их варят на углях в сыром бамбуке без воды, и бамбук не сгорает, так как сырой бамбук и сам клубень выделяют из себя

небольшое количество влаги, что способствует варке; затем его так же и пекут, как нашу картошку. Это малопитательная пища, она только набивает желудок, и поэтому почти у всех детей огромные животы. Затем они едят много зелени — разные листья, корешки. Дикари очень хорошо знают, которые из них с'едобны. Но одними клубнями и зеленью прожить нельзя, и вот они охотятся на разных зверей, которые находятся в этих местах — кабанов, оленей, птиц. Время от времени мужчины собираются большой компанией, вооружаются, кто чем может — палками с железными наконечниками — копьями, другие вместо железных наконечников привязывают хорошо заостренный бамбук, который очень крепок и может убить или тяжело ранить животное. Так живут эти люди. Они совсем некультурны, так как не знают даже одежды и ходят совсем нагими, только пояс вокруг талии.

Теперь посмотрим, во что̀ они верят. Их вера тоже очень проста, как и их жизнь. Они еще не раздумывают над солнцем, луной, над морем и вообще над миром — откуда этот мир взялся. У них нет таких богов, как у земледельческих племен, они и храмов не имеют. Но вот случается у них голод — охота была неудачна, мясо с'едено и другой пищи, кроме зелени и клубней, нет, значит нет ничего питательного, и они голодны; они не понимают, что̀ голод их мучает от того, что не ели питательного. Они начинают думать, что в них забрался какой-то злой дух, дьявол и крутит и мутит у них в желудке и во всем теле. Тогда они к своему пояску привязывают какой-нибудь небольшой предмет — кусочек дерева, клубня или чего-нибудь другого, а некоторые просто завязывают узелок в поясе и говорят, что это они завязали туда злого духа, который мучает их. Теперь они его обессилили, и он перестанет их мучить. При этом дикарь крепче затягивает пояс на животе, что само по себе облегчает чувство голода на время. Теперь они должны итти на охоту. Охота, конечно, может быть удачна и неудачна. Они думают, есть дух, который может им помочь в охоте или повредить. Так как на острове много гор, и в горах хорошо укрываться от зноя, то они себе и представляют, что дух должен обитать в какой-нибудь горе. И вот перед тем, как выйти на охоту, они собираются вокруг какой-нибудь горы, втыкают в нее свое оружие, и просят духа о ниспослании благополучной охоты. Если они хотят отомстить врагу, хотят наслать на него болезнь, коросту или чирья,—эти болезни там встречаются,—то, чтобы наслать на врага такую болезнь, дикарь берет

4*

длинный шест, а на верхушке укрепляет глиняный шарик. Этот прибор ставится незаметно для врага около его дома или шалаша, при чем ставящий должен быстро убежать. Он уверен, что злой дух вселился в этот шарик и уж нашлет на его врага болезнь. Затем еще один вид мести: к длинному шесту прикрепляется зигзагообразно согнутая ветка, и это обозначает такое проклятие,—чтобы врага так скрутило, как скрутило эту ветку. Дикари верят, что сбудется так, что все эти проклятия и напасти постигнут их врага. Но самое главное, во что эти люди верят, это в умерших, в предков. Они говорят, что хоть человек этот и умер, но он может посылать на живых всякие беды, так как после смерти он делается духом, а потому и более сильным, чем живой человек. Когда кто-нибудь умирает, то они его зарывают, хоронят в землю или кладут в пещеру, а через некоторое время, когда мясо или отсыхает или его звери поедают и остаются одни кости, тогда они берут голову, череп умершего, относят на какое-нибудь укромное место в стороне от дороги, куда-нибудь в лес или в горы, вбивают в этом месте четыре шеста, перекладывают сверху камышом и выводят крышу из тростника, как у нас на голубятнях; крышу покрывают листьями пальмового дерева. Череп ставится в этот домик, перед черепом устанавливаются тарелки, на которые кладутся клубни, мясо, приносимые время от времени в пищу покойнику. Эти люди думают, что и после смерти человек должен иметь все то, чем пользовался при жизни; если же ему всего этого не дадут оставшиеся в живых родственники, то он будет к ним являться, мучить их и насылать на них всякие болезни за то, что они пользуются его вещами. И вот для того, чтобы он не являлся домой, ему и строят такой домик и приносят время от времени пищу, которую и кладут на глиняные тарелки. Другие же вместо черепа делают деревянное изображение предка, которое ставится на могиле умершего тоже под крышей, которая держится на четырех столбах, и перед этим изображением ставятся тарелки, на которые кладется приносимая ему пища.

(К № 3.) Раскопки.

Вот как описывает ученый И. Поляков свои раскопки в Воронежской губернии:

«Целый день рабочие рыли землю, наконец, к вечеру, когда весь слой чернозема был снят, обнаружилась серая глина, а вместе

с нею и те ископаемые остатки, которые произвели на меня неизгладимо глубокое, потрясающее впечатление. В глине, как раз на границе ее с черноземом, я начал встречать первоначально типичные кремневые осколки каменного века, потом заметил глину, перемешанную с золой и втиснутыми в нее кремневыми осколками, и, наконец, тут же рядом были найдены осколки коренных зубов и лопатка мамонта. Таким образом к концу работ первого дня были вырыты мною из глубины почвы самые неопровержимые доказательства того, что здесь, как и во многих других местах, — на р. Удае, Полтавской губернии, и около Карачарова, Владимирской губернии, — человек не только существовал вместе с мамонтом и охотился на него, но даже больше: он преследовал его, шел по пятам за ним. Мамонт был как бы единственным животным, на которого были обращены все взоры, силы и внимание человека; можно сказать, что человек был хищным спутником мамонта.

Все последующие дни приносили мне все бо́льшую и бо́льшую массу доказательств в пользу заключения, сделанного мною в первый день. На следующий день я раскопал остальное пространство, отведенное под омшаник, сняв первоначально всю толщину чернозема, в верхней части которого также содержались каменные орудия; затем следовал промежуток в нижних частях без осколков кремней, наконец, глина, давшая мне еще бо́льшую массу орудий и костей мамонта. Как кремневые осколки, так и, очевидно, обделанные орудия отличались своим чрезвычайным изяществом. Кости, принадлежавшие преимущественно мамонту, были различных сортов; здесь находились ребра, трубчатые кости, вероятно, разбитые, коренные зубы, бивни и пр. Как орудия, так и кости не были рассеяны на всем пространстве равномерно; были пункты, где они не встречались, в других лежали одиночно; но в некоторых местах они были скучены и при том так: где кости, там и орудия и другие следы пребывания человека, или обратно, начинают встречаться более или менее часто орудия, тогда будут и кости. В таких именно местах, изобилующих костями и орудиями, появлялась зола и в большом количестве пережженные кости; очевидно, в таких пунктах человек жил и разводил огонь; здесь он сидел, отдыхал и грелся, также готовил себе пищу».

А вот что говорит И. С. Поляков о суеверном отношении крестьян к каменным орудиям, которые они называют громовыми стрелами:

«Я совершал ряд экскурсий как около Руднева, так и в окрестностях других деревень. Из расспросов у местных жителей, крестьян, я узнал, что каменные орудия были находимы ими и притом преимущественно на пашнях; но так как пашни давно уже обрабатываются, а орудия издавна выбирались при полевых работах, то в настоящее время они почти исчезли. И в самом деле, я осмотрел в разных местах большое количество полей и не видал не только целых орудий, но даже более или менее характерных для каменного века кремневых обломков.

Тем не менее, однако, у крестьян в разных деревнях, как оказалось, каменные орудия распространены весьма сильно; сказать точнее, нет почти деревни, в которой кто-либо из жителей не имел бы одной или нескольких каменных стрел. Владетельницами орудий являются преимущественно старухи, для которых эти орудия составляют одно из могущественнейших лекарственных средств; повидимому, вера в лекарственную силу каменных орудий нигде не достигает такой степени, как в Тульской губернии, хотя орудия под именем «громовых стрел» имеют большое значение при лечении болезней и в других местах России. Во многих из вышеназванных деревень я встречал старух, владеющих иногда стрелками, штук 10 и более; у старух, славящихся наиболее своим кудесническим искусством, всякая стрелка имеет даже свое название, по именам святых, или же присоединяется название «спаситель» к стрелке, помогающей наиболее от всяких недугов. Лечат стрелками посредством укола больного или же спусканием воды; последний способ лечения заключается в том, что на стрелку льется вода, которая затем собирается в сосуд и дается для питья больному или для обливания страждущей части тела.

Несмотря на то, что вера в лекарственное значение каменных орудий или «громовых стрел» есть суеверие, относящееся к области отживающих обычаев, тем не менее она повсеместно распространена по деревням Тульского уезда; в каждой деревне, наверное, есть знахарка, промышляющая стрелами; всякий пациент за труды, наверное, приносит своей мнимой исцелительнице хлеба, холста и разных других предметов, необходимых в домашнем быту крестьян. Таким образом знахарка, умно ведущая свое дело, может круглый год существовать. На этом основании крестьянки чрезвычайно дорожат «громовыми стрелами», лучшие из которых добыты, повидимому, весьма давно и переходят по наследству из рода в род,

при чем иногда служат даже предметом ожесточенного спора между наследницами. Нужно думать, что настоящие каменные орудия весьма распространены у крестьян, так что если бы собрать все то, что я видел или что знаю по рассказам, то полагаю, уже из этих предметов, находящихся в посещенных мною деревнях, можно было бы составить порядочный музейчик. Так, в деревне Федяшеве я встретил старуху, в распоряжении которой было до 6 штук каменных орудий, из них два или три наконечника копий. Оказалось, что старуха, имеющая лет 90 от роду, лет 70 живет в Федяшеве, куда она вышла замуж и принесла орудия, как приданое и наследство от матери из Воронежской губернии. Понятно, что она ни за какие деньги не хотела уступить хотя одну вещицу, говоря, что желает «помереть вместе с ними».

(К № 5.) ДЕТИ СЛАВЯНСКОГО ПОСЕЛКА.

Ек. Замысловская.

Вечером еще зябко жались ребята к широкой глиняно-каменной печке, в которой тлели горячие угли. Ложась спать на прелой соломе, раскиданной по полу, слушали, как старшая сестренка Лыбедь рассказывала, что злой карачун должен теперь убраться далеко. Придет весна, принесут ее кулики, жаворонки из дальних краев, где на синем море стоит бел-горючий камень. А на утро проснулись — дверь в избу распахнута, светит солнце яркое, весеннее. Высыпали ребята на двор, видят мать и другие женщины, их тетки, выносят чистый холст своей работы, расстилают на проталинах, кладут на него хлеб-соль и приговаривают, чтобы ела весна-красна, подкрепилась бы с далекого пути.

Радуются детишки: Кол, Улеба, Малуша, тормошат Лыбедь. Она постарше—должна все знать. Смеется Лыбедь, запевает с малышами вместе песню про Куликовы девять замков, которыми он замкнет зиму, отопрет весну.

А серенький куличок бегает себе по бережку, курлыкает ласково. Ему и в ум не приходит, что это он принес столько радости детям, замученным долгой зимой.

Да, невесело сидеть зиму в дымной, угарной избе, слушать волчий вой, завыванье вьюги. Когда топилась печь, дверь избы оставалась открытой, чтобы выходил дым, другого выхода ему не было, и морозный воздух врывался в избу, заставляя дрожать.

Когда дрова прогорали, дым переставал клубиться, дверь закрывали, становилось тепло, но зато ломило голову от угара, клонило постоянно ко сну. Нехудо, конечно, греться в стужу у горячих углей, но куда лучше пригревает весеннее солнце на приволье. Прелую вонючую солому вытаскивают женщины и дети из избы, сжигают на костре, чтобы сгорели с ней вместе трясовицы, огневицы. В болотной местности, среди которой возвышается на холме двор Малка-зверолова, легко схватить весной лихорадку.

Если кто из детей заболеет, бабка скатает шарик хлебного мякиша, оботрет горячее тело с наговором и бросит хлеб в узкое щелевидное оконце, чтобы кто-нибудь с'ел катышек и взял бы на себя трясовицу.

Но нынче дети здоровы. Им хочется везде поспеть. Двор их деда Малка стоит на высоком берегу речки Тьмаки. Весной река разливается, затопляет берега, и на траву на мелкое место выплывают щуки, огромные, зубастые. Бьют их тогда палкой и бросают в берестяный короб. Это ли не раздолье — смотреть, как сверкает на солнце жирная лоснящаяся щука своими желтыми по черному пятнышками и бьет хвостом, не желая попадать в короб. Со щуками возится младший брат отца Улеб. Сам отец и старшие его братья давно на охоте вместе с дедом. Туго набиты их колчаны стрелами. Раздолье весной охотникам: гуси, лебеди, утки летят с полудня на полуночную сторону, оседают на низких заводях, на лесных глухих озерах, тут их бей, сколько хочешь!

Зимой охотники промышляли белку и всякого пушного зверя: лисиц, куниц, хорей, барсуков. Сам дед Малк лучше всех умел отыскивать берлогу лесного хозяина. Как найдет, увидит над снегом через отверстие, будто дымок курится от дыхания спящего медведя. Тут охотник запускает в берлогу суковатую ель, сучьями к себе, нащупывает мохнатого соныгу. Закряхтит, завозится хозяин в берлоге, пихает ель, а сучья не дают выпихнуть. Охотник же вонзает свое острое копье по направлению елового ствола. Редко случается приколоть медведя в его логове. Раненый, он вылетает, разворотив берлогу, и надо не оплошать — как встанет зверь на дыбы, вонзить ему рогатину под ребра, в самое сердце.

Любили дети слушать зимой такие рассказы деда, любили лакомиться жирным медвежьим мясом, которое бабка пекла на углях. Но все-таки вкуснее казались им весной косточки гусей и уток, которые им давали глодать после старших.

Но весной не одна охота. Как зазеленеет травка, скотину на лесные лужайки выпустят. Выпуская, окурит бабка скот кругом дымящейся головней с наговором от злых чар, головнями бросается на злых духов, отгоняет их от стада. Когда все заклинанья кончены, ребята начинают пасти овец и коз. А бычков запрягают в соху; когда земля на расчищенной из-под леса поляне просохла, станут ее пахать, тоже с приговором. Землю угощают, как и весну, хлебом и яйцами; кладут это угощенье в борозду, чтобы земля-кормилица не гневалась, что ее бороздят сохой, дала бы урожай жита богатый.

Работают весной жители поселка, вся большая семья деда Малка от мала до велика, целый долгий день, чтобы запастись кормом, не погибнуть с голода. Нелегка работа в глухой лесистой болотистой местности. Нарочно забрались в такую глушь, чтобы от злых людей подальше. Тьмака речонка так и зовется потому, что тьма вокруг от непролазных лесных дебрей.

Через лес никто не проберется, да зато водой подплыть можно—бежит Тьмак в большую реку, по которой, как слышно, плавают люди на больших ладьях, люди в железо закованные. Эти лихие люди хуже зверя лесного.

(К № 6.) ГОРОД И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ.

Л. М. Капица.

Город с его многочисленным населением требует для своего пропитания десяток тысяч пудов разных продовольственных грузов в день. И эти грузы составляют только маленькую часть того, что требуется. Промышленность, сосредоточенная в городах с фабриками и заводами, пожирает каждый день массу топлива—угля, нефти, и обрабатывает массу разнообразного сырья. Если мы возьмем для примера Ленинград, то здесь особенно ярко подтвердится наша мысль. С одной стороны, миллионное население требует для своего существования продукты питания, с другой стороны, промышленность, состоящая из крупной машиностроительной, текстильной, химической и металлообрабатывающей, с грандиозными заводами—Красный Путиловец (б. Путиловский) и Большевик (б. Обуховский), с целыми фабричными районами — Невской заставой, требует беспрерывной подвозки сырья и топлива из разных мест страны. Доставляя же сырье на фабрики и заводы,

мы получаем машины, ситец, бумагу, которые надо отправить сейчас же для сбыта опять-таки в глубь страны. Кроме того, Ленинград, как расположенный на берегу моря и имеющий морское сообщение с Европой, является центром, где сосредоточиваются грузы для отправления за границу—хлеб, лен, лес, которые доставляются из разных уголков России. Сюда же привозят нам из-за границы то, что необходимо, как, напр., сельско-хозяйственные машины, семена, медикаменты, и опять-таки отсюда надо все отправить в разные концы республики. Теперь невольно у каждого из нас возникает интерес, как и кто справляется с такими передвижениями? Тем более, что мы имеем часто грузы срочные—портящиеся, с которыми всякая заминка грозит большими убытками. Сейчас мы имеем три вида транспорта—водные пути, железные дороги и пути воздушные, которые не получили у нас еще достаточного развития. На первом месте по дешевизне и малой затрате силы для передвижения являются пути водные, а затем идут железные дороги. При всех операциях с грузом важную роль играют экономические соображения, т.-е. во сколько обходится перевозка пуда на протяжении одной версты, и в этом случае опять-таки водный транспорт стоит на первом месте. Здесь мы имеем такую цифру: провести пуд-версту стоит от $^1/_{100}$ до $^1/_{1000}$ коп., на втором месте стоит ж. д. с цифрою для пудо-верст от $^1/_{10}$ до $^1/_{100}$ коп. Интересно будет познакомиться, или как бы войти во внутреннюю жизнь жел. дор. и посмотреть, каким образом такая масса груза подходит ежедневно к городу, моментально сортируется, разгружается, вывозится в город, с одной стороны, и нагружается для отправления из города, с другой стороны. Необходимость же точности, аккуратности и быстроты исполнения всех операций особенно стала ясной в последнее десятилетие, когда под влиянием войны и, следовательно, особенно нервной работы жел. дор. мы сразу почувствовали недостаток продуктов, даже голод и приостановку всей промышленности. Нужно, конечно, иметь в виду, что не только перевозкой грузов занята жел. дор., но и пассажирское движение имеет большое значение. Ежедневно, ежемесячно, беспрерывно идет передвижение как рабочей силы, едущей с работы в деревню и на работу в город, так и учащихся, стремящихся в определенные города, и вообще лиц, имеющих какие-нибудь дела. Помня о возможности войны, мы понимаем, как важно иметь средство передвинуть, перекинуть, смотря по надобности, из одного места в дру-

гое, зачастую расположенных на большом расстоянии, войска и грузы. Теперь, кажется стало ясно значение жел. дор. и понятно, зачем жел. дороги в виде системы, как бы вен и артерий, распределяются по всему нашему Союзу Республик и вообще по земному шару, и также ясно, что количеством верст, приходящихся, например, на 10.000 чел. жителей, мы можем охарактеризовать страну в смысле культурности, промышленности. По статистическим данным, мы видим, что Россия пока стоит на последнем месте, т.-е. на 10.000 человек приходится только 4,1 верста, в то время как в Англии 8,1, в Германии 9,4 в. Вся вина лежит, конечно, на дореволюционном правительстве, и теперь вполне понятно стремление исправлять, восстановлять и строить жел. дор., так как без этого о промышленности такой большой страны, как Россия, не может быть и речи. Ведь хлопок, уголь и многие виды сырья добываются на окраинах и должны пробегать тысячи верст. Статистика дает следующие цифры постройки путей: на 1918 г.—533 в.; 1919 г.—807 в.; 1920 г.—671 в. и 1921 г.—1534 в. Протяжение сети жел. дор. на 1917 г.—59.280 в.; 1918 г.—25.108 в.; 1920 г.—53.261; 1921 г.—60.827 в.

Попробуем познакомиться с жел.-дор. станцией, являющейся опорным пунктом жел.-дорожного транспорта. Прежде всего, заметим, что жел. дор. резко отличаются от других видов транспорта необходимостью согласованности во всех своих действиях. Если мы возьмем водный транспорт, то мы видим, что пользование путем, т.-е. рекой, каналом, озером разрешается всем, и, соблюдая «правила плавания», каждое учреждение или частное лицо, имеющее пароход—судно, совершает те или другие рейсы, смотря по надобности. Не то на жел. дороге: здесь требуется согласование во всех своих действиях, и путь об'единен со службой движения и тягой в одно Управление. Жел.-дор. станции, смотря по интенсивности движения, т.-е. прохождения грузов, разделяются на классы I, II, III, IV, V, и в зависимости от класса имеют то или другое оборудование, и с уменьшением цифры класса увеличивается и осложняется аппарат всей станции. Если мы вернемся в Ленинград, то здесь мы имеем станцию I-го класса, т.-е. с паровозным депо, с мастерскими, вагонными сараями, и они как бы обрабатывают в день сотни тысяч пудов груза, т.-е. отправляют от города и подвозят к городу. Выше было указано, что мы различаем два движения—пассажирское и товарное, которые по характеру своей

работы стоят особняком друг от друга. Пассажирскую станцию, для удобства приезжающих и от'езжающих, располагают обыкновенно ближе к центру города или во всяком случае стараются связать с городом городскими железными дорогами, т.-е. трамваем. В больших же городах пассажирское здание выходит на улицу, где проходящие трамваи сейчас же могут доставить всех приехавших в любую часть города. Пассажирское здание имеет внутри кассы для продажи билетов, места приема багажа, следующего с пассажирами, и помещения для отдыха и ожидания поезда. Непосредственно за пассажирским зданием располагаются места посадок в поезда и места прибытия поездов. Это — платформы, расположенные на уровне пола вагона для удобства пассажиров. Сюда уже обыкновенно посторонних, т.-е. без билета, не пускают, не желая наполнять платформу лишним элементом. Здесь требуется от всех внимательность, осторожность во избежание несчастных случаев. Платформы различают для прибытия поезда и отправления. Здесь стараются сделать так, чтобы не было сутолоки, беспорядка, и поэтому разделяют два движения пассажиров, направляющихся к поезду и от поезда. Делают даже два выхода. Кто ездил, может быть, помнит, что, уезжая и входя в один под'езд, мы, приезжая, выходим из другого. Вот и все, что можно сказать о жел-дор. станции пассажирского движения, имея в виду, что о судьбе поезда или состава после прихода и о том, откуда подается поезд или состав для отправления, мы узнаем при описании товарной станции. Теперь перейдем к описанию самой интересной части жел.-дор. станции, это — товарной станции, которая и должна проделывать каждый день большую работу с грузами. Разнообразные грузы, ежедневно прибывая в город, требуют сортировки, разгрузки, т.-е. освобождения вагонов, чтобы их сейчас же нагрузить и отправить куда нужно. При этом нужно иметь в виду, что часто грузы не терпят соседства друг с другом, как, например: керосин, уголь с хлебом, мясом, не говоря уже о грузах огнеопасных и взрывчатых веществ, требующих даже удаления от жилых построек. На основании этого товарная станция должна иметь отдельные и даже отдельно расположенные пути, т.-е. места выгрузки. Здесь мы также имеем платформы, расположенные на высоте пола, и, кроме того, навесы и непосредственно примыкающие к путям склады для временного хранения, сбережения от непогоды грузов. Поезда товарные различаются двух типов: маршрутные и сборные. Слово «маршрутный»,

я думаю, всем знакомо. В период гражданской войны, когда подвоз к городам был очень слабый и города голодали, весть о том, что подошел или подходит маршрутный поезд хлеба, всегда вызывала у всех радость—прибывал целый поезд (вагонов 35—50) однородного груза, в данном случае хлеба. Сборный же поезд как бы подбирает по своей дороге грузы и подходит к городу с самым разнообразным товаром, принадлежащим разным учреждениям и лицам. Однородность груза маршрутного поезда уменьшает заботу с ним; его подают к месту разгрузки данного груза и разгружают. Что же касается поезда сборного, то он требует предварительно сортировки, т.-е. подбора грузов по однородности, и затем уже в отдельности подают вагоны с однородным грузом к местам разгрузки и производят с ними операции. Обходя товарную станцию, мы увидим в разных местах разгрузку и нагрузку того или другого товара. При очень же большом грузообороте мы увидим даже целые районы, отведенные для разгрузки одного вида груза. Теперь посмотрим, где же происходит предварительная сортировка сборного поезда, а кстати и составление пассажирских поездов и вообще всякого рода так наз. хозяйственных передвижений. Многочисленные пути, расположенные здесь же или недалеко от самой станции, дают на это ответ. Эти пути, расположенные отдельно от так называемых «магистральных», т.-е. путей подхода и отхода поездов, заключают как парки прибытия, отправления, так и сортировочную станцию, т.-е. место сортировок. Сюда прибывает товарный поезд, отсюда отправляется, смотря по возможности, к местам погрузки, здесь же сортируют сборный поезд. Таким образом главный путь, «магистральный», все время свободен. Все приходящие поезда распределяются по многочисленным путям парка прибытия и здесь, не мешая друг другу, ждут своей очереди. Только пассажирские поезда проходят непосредственно к платформам, откуда сейчас же убираются, чтобы дать возможность другому поезду, следующему по точному расписанию, проделать то же самое; здесь же имеются пути, куда убираются составы пассажирского поезда, здесь же составляют поезда, т.-е. подбирают вагоны, и здесь же целый ряд путей занят вагонами, ожидающими оставления, ремонта или как бы отдыхающими. В последнее десятилетие в эпоху разрушения транспорта многим, может быть, приходилось, уезжая и желая занять лучшее место, самим отправляться на пути стоянки состава и там садиться в вагоны. Многие, может быть, помнят,

как забирались в вагоны и, случалось, их возили взад и вперед, вызывая у них опасение попасть не куда следует. То были маневры, т.-е. отцепка больших вагонов, прицепка других и т. д. Многочисленные пути, заросшие травой, масса вагонов и паровозов, в самом плачевном состоянии стоящих на путях, могут свидетельствовать о том, как отразились война, экономическая разруха на транспорте. Теперь мы уже наблюдаем, как поспешно идет чистка и уборка той же травы, ремонт паровозов и вагонов, т.-е. мы быстро подвигаемся вперед в смысле развития жел.-дор. транспорта, и, надо думать, что скоро не только наверстаем старое, но и уйдем значительно вперед.

Теперь нам остается рассмотреть и познакомиться со службой движения, с правилами безопасности движения и службой тяги, т.-е. с той стороной транспорта, которая ведает непосредственно передвижениями и имеет в своем распоряжении паровозы с сараями для их хранения, с мастерскими и всеми сооружениями для их обслуживания. Для того, чтобы иметь возможность распределять подходящие поезда по многочисленным путям, нужно, конечно, иметь какое-то приспособление для перехода поезда с одного пути на другой. Кто живет в городе с трамваем, тот, наверно, знает, каким образом это делается на городских жел. дорогах. Здесь мы имеем специальных служащих, т.-е. стрелочников, которые с помощью железного жезла отодвигают подвижные рельсы, и они, примыкая то к правому рельсу, то к левому, направляют вагоны. То же самое делается на жел. дорогах, здесь мы имеем также стрелочников, которые только не пользуются железным жезлом, а путем перекидывания ручки с грузом передвигают подвижные рельсы, так называемые остряки. На больших станциях таких переводов очень много. У каждого перевода должен дежурить стрелочник, и он, получая указания от дежурного по станции, путем передвижения остряков, направляет состав. Всякая неточность, малейшая неаккуратность ведет к столкновению, т.-е. к несчастному случаю. Многие, может быть, читали или слыхали из газет о том, что благодаря неверному направлению поезда произошло крушение, столкновение. При всей аккуратности и добросовестности отношения к службе человеку свойственны ошибки, и вполне понятно стремление пользоваться человеческими услугами в таком месте все в меньшей степени. Путем так называемой «централизации», т.-е. сосредоточивания управления всех

переводов в одном месте и путем электричества, нажимая соответствующую кнопку, стали совершать передвижение стрелки. Если мы пойдем на станцию, например, Северо-Западной (б. В.-Рыб.) жел. дороги в Ленинграде, то мы увидим там довольно высокую башню, где сидит дежурный, и он один руководит направлением подходящих поездов. Стоя же у перевода, мы изредка услышим стук, и мгновенно остряки передвинуты, т.-е. нажата кнопка в башне; идет поезд, он пройдет мимо по этой стрелке. Этим путем мы сокращаем число служащих, удешевляем проезд и провоз грузов, что очень важно для развития жел. дорог. Перед станцией располагается семафор—металлическая колонка с крылом, которое бывает или приподнято или горизонтально, и в соответствии с этим путь свободен или занят. Затем целый ряд мелких сигналов на путях указывает машинисту о состоянии пути и руководит его движением. «Тихий ход» означает поставленный диск; надпись «дать свисток», т.-е. предупредить о своем подходе: «закрыть поддувало», чтобы не сыпался горячий пепел и уголь при проходе деревянных мостов и мостов через улицу города, наконец, красный и зеленый флаги днем, а световые сигналы ночью показывают машинисту состояние пути. В том случае, когда вследствие непогоды—метели, тумана—световые и оптические сигналы нельзя увидеть, употребляются сигналы звуковые—рожки и торпеды, которые кладут на рельсы. Они при проходе поезда взрываются, не причиняя вреда поезду, но указывая машинисту, что нужно. Все передвижения вагонов и поез-
дится паровой котел, где получается пар, и паровая машина, кото-
движения паровозы бывают пассажирские, развивающие большие скорости, товарные, тихим ходом везущие массу вагонов (до 75) с полным грузом, и маневровые, для обслуживания на станции—составление поезда, сортировка вагонов. На паровозе находится паровой котел, где получается пар, и паровая машина, которая помощью пара вращает колеса паровоза. Что пар имеет энергию, т.-е. что пар может произвести работу, это можно всем видеть на кухне. Посмотрим, что бывает с крышкой чайника, когда закипает в нем вода. Крышка с шумом подымается и опускается. Пар, образующийся в чайнике, при нагревании совершает работу,—подымая и опуская крышку. Крышка чайника подымается тем чаще, чем скорей образуется пар, т.-е. чем больше уже нагрет чайник. На паровозе мы получаем пар в паровом котле. Пар собирается и направляется по трубкам в паровую машину, где он

производит работу и вращает колеса. Колеса при своем вращении как бы цепляются за рельсы и так подвигаются вперед. Под паровозом мы различаем большие колеса, «ведущие», которые и приводятся в движение паром, затем спереди маленькие «бегунки» и сзади колеса поддерживающие. Бегунки и поддерживающие служат для поддержки веса паровоза. Паровоз поручается обыкновенно определенной бригаде с машинистом-механиком и кочегаром, заведующим топкой. Имея дело постоянно с одной машиной, они ее хорошо изучают, знают ее слабости и недостатки. На полном ходу при шуме и грохоте, который бывает на паровозе, все же механик скорей чувствует, чем замечает все маленькие порчи и старается их исправить. Он весь отдается машине, он ее любит и заботится о ней. Но нелегка работа механика и кочегара. Резкая перемена температуры, особенно зимой, угольная пыль, страшная напряженность при работе — как бы кого не задавить, не пропустить бы сигнала, есть ли вода — все это быстро подрывает здоровье, развивает чахотку и сокращает жизнь. Чтобы сделаться машинистом, нужно помимо знаний пройти медицинский осмотр — принимают только здоровых, с хорошими глазами, ловких, спокойных, одним словом, способных справляться с этой трудной работой. Паровоз, как и всякая машина, требует отдыха, осмотра, ремонта, и периодически его уводят в депо, где он и отдыхает. Здесь производят чистку котла от накипи, т.-е. от тех отложений благодаря химически не чистой воды, здесь же происходит разборка разных частей машины для их осмотра. Около паровозного депо располагаются мастерские, где производят капитальный ремонт. Депо представляет здание, очень высокое, так что паровоз свободно в него входит; форма здания бывает прямоугольная и полукруглая. Полукруглой формой достигается независимость движения одного паровоза от другого, чего нельзя сказать о прямоугольной форме, где паровозы стоят один за другим. Для снабжения паровозов водой мы имеем на путях так называемые гидравлические колонки, откуда паровоз и забирает воду помощью шланги, нормально тратя несколько минут. Здесь же располагаются кучи топлива—уголь, дрова, после забора которого паровоз совсем снарядился и готов к отправлению. Подойдя к концу станции, мы увидим убегающую пару стальных лент, нельзя сказать, что они заброшены. Кто ездил по жел. дороге, тот может вспомнить, что из окон вагона видно, как мелькают маленькие домики с проставленными цифрами, т.-е.

указанием версты. Там живут сторожа, на попечении которых и лежит уход за путем. Каждый день они обходят свой участок, исправляют, что могут, сами, или вызывают рабочих для крупных работ. При проходе поезда красный, зеленый флаг, выставленный сторожем, дает знать машинисту о состоянии пути. Теперь скажем несколько слов о железнодорожных служащих в связи с их работой. Если кому-нибудь из нас приходится каждый день исполнять в определенные часы определенные работы, то мы так к этому привыкли, что вскоре, наверно, сможем обходиться без часов. Мы так привыкнем к нашему режиму, что в определенный час нас будет тянуть сделать по привычке нашу обыденную работу. Что же можно сказать после этого о жел.-дор. служащих? Работая десятки лет и замещая часто по наследству службу, из них вырабатывается особый класс, привыкающих к определенному режиму и определенной работе. Все они аккуратны, не любят опаздывать, все они точны и т. д. Даже при мобилизации во время войны стараются их не трогать, не нарушать работу транспорта, которая требует навыка, знания и опыта. В своем описании мы коснулись станции I—II класса, но нужно иметь в виду, что в соответствии с повышением цифры класса, конечно, уменьшается сложность аппарата, и в конце концов можно встретить станцию-раз'езд с одним запасным путем, куда подают товарные вагоны для разгрузки и нагрузки.

(К № 9.) НА БУМАГОПРЯДИЛЬНОЙ ФАБРИКЕ.

Н. В. Ден.

Петя и Ваня пошли на бумагопрядильную фабрику имени Халтурина, чтобы записаться на экскурсию. Их сначала не хотели записать, но когда они об'яснили, что придут с учителями, и рассказали, что их класс давно готовится к этой экскурсии и познакомился с добыванием и обработкой хлопка по книгам, то их записали на ближайший вторник.

В назначенный день Петя и Ваня встали в первую пару:

— Мы знаем дорогу и всех поведем.

Пришли на угол Малой Болотной и Смолинского проспекта.

— Это и есть наша фабрика,—заявили Ваня с Петей.

Перед детьми открылся огромный пятиэтажный корпус с башенками и две большие фабричные трубы. Солнце освещало их сзади, и от этого они казались особенно мрачными и закопченными.

5

Вошли в проходную контору, потом на двор. У входных дверей фабричного здания все остановились. Внимание было привлечено большой кипой, которая, мерно раскачиваясь на цепи, поднималась во второй этаж.

— Что это?

— Это приемка хлопка.

Когда кипа исчезла в фабричном здании, все вошли в просторную прихожую. Разделись. Скоро пришел и т. Федин, которому было поручено руководить экскурсией.

Пошли. Уже в прихожей слышался шум. Когда открыли дверь в помещение с работающими машинами, то шум покрыл все голоса. Маня сказала Кате, что ей немного страшно. Когда проходили через большой машинный зал, все как-то жались от машин к стенке. Поднялись по лестнице во второй этаж, куда поднимали хлопок с улицы. В воздухе висела густая пыль. Десять кип стояло около весов. Попробовал Вася сдвинуть кипу, ему помогли Ваня с Петей: кипа чуть шелохнулась.

— Сколько же она весит?

— 20—25 пудов,—ответил т. Федин.—Ведь хлопок привозят издалека, и, чтобы он не занимал много места в трюме парохода или в вагоне, его туго прессуют.

— А я видел, как прессуют сено,—заявил Вася.

— Хлопок растет только между 30 и 40 градусом широты,—продолжал т. Федин.

— Его привозят к нам из Америки и из Египта. Там растут самые лучшие сорта. Есть и русский хлопок, его привозят из Туркестана.

— А раньше думали, что это овцы на деревьях растут,—выскочила Таня.

— Я видела на картинке.

— Ну, это сказки,—деловито заметил Вася.—Хлопок, это—растение: к его семенам прикреплены летучки, как у одуванчика. Из этих летучек-волокон, длиною до 2-х дюймов, делают нитки. Тов. Федин подозвал к машине. Рабочие из разных кип бросали куски хлопка на движущуюся решетку. Решетка подавала хлопок к вращающемуся барабану, на котором укреплены зубья-пальцы.

— Эта машина разбивает спрессованный хлопок и смешивает разные сорта,—сказал т. Федин.—Пальцы на барабане заменяют

работу человеческих рук. Машина работает, а рабочие ее только налаживают.

Подошли дети к куче уже растрепанного хлопка и взяли в руки.

— Да это вата, такая мягкая,—вырвалось у каждого.

Тов. Федин обратил внимание на пыль и показал, что в этой вате еще много крупных частиц. Из этого хлопка еще нельзя прясть. Его нужно теперь очистить. Для этой цели по движущимся решеткам хлопок подвигался к люкам в трепальное отделение.

Перешли в трепальное. Дети увидели большие машины, которые, шумно работая, гудели. Но работы не было видно: только через стеклышко можно было видеть, как пролетали хлопковые волокна, продуваемые ветром от вентиляторов. На концах машин белоснежный хлопок собирался в толстые валы в пуд весом. Две работницы наложили эти валы на вагонетку и повезли их в другое отделение. Все пошли за ними. В проходе из одного отделения в другое, где было не так шумно, т. Федин продолжал об'яснение:

— Теперь хлопок очищен, но все волокна спутаны: в пряже волокна должны быть параллельными. Поэтому с хлопком нужно сделать то же самое, что с растрепанными волосами. Кардная машина гребенками и щетками расчешет хлопок.

Подошли к кардным машинам. С гребней сходила тонкая паутина и быстро бежала, собираясь в ленту, к высокому станку, в который она и складывалась кольцами. В машине вращались барабаны с щетками из стальных игл — одни быстрее, другие медленнее. Они-то и прочесывали хлопок. Всем понравилась паутинка, и каждый взял себе немножко на память.

Перешли в приготовительное отделение. Тут хлопковая лента вытягивалась в еще более тонкую ленту. Затем эта лента попадала на машину, на которой вращались веретена. Жужжали веретена так громко, что в ушах звенело, и страшно было проходить между рядами машин. Когда вышли из отделения, товарищ Федин сказал:

— На этой машине вы видели предпрядение: толстая в шерстинку нить вновь вытягивалась и получала легкое скручивание. На этой машине вырабатывается так называемая ровница.

Поднялись в прядильное отделение. Тов. Федин об'яснил, что бывают двух родов прядильные машины: прерывистого действия— мюльмашины, и постоянные — ватермашины.

Вошли в отделение. Длинные каретки то от'езжали, то под'езжали. В каждом ряду жужжало около 2000 веретен. За двумя

*5

машинами наблюдал один рабочий, ему помогали «концевой» и «задний» мальчик лет 14. Тов. Федин об'яснял что-то обступившим его четырем мальчикам, другим не было слышно.

Вася спросил «заднего», в чем его обязанность.

— Пыль смахиваю, подметаю; оборвется нитка — присучиваю. Я четыре часа работаю на фабрике, а 4 учусь в фабзавуче. Мастер меня учит и машину в ход пускать. Мы все машины проходим; когда кончу школу, буду знать все производство, стану настоящим рабочим. Я за работу жалованье получаю, — сказал он с гордостью.

Захотелось и Ване в фабзавуч поступить и работать на фабрике.

В другом отделении звучали веретена ватерной машины. Они одновременно скручивали и наматывали нить на веретено. Тов. Федин об'яснил, что ватерная машина устроена, как самопрялка, с тою только разницей, что вытягивание на ней производится не вручную, а вытяжными валиками. Ровница проходит между рядами валиков, вращающихся с разной скоростью, так что получается вытягивание.

Поднялись еще этажем выше; вошли в помещение, где машины стояли.

— А почему здесь нет работы? — удивились дети.

— Два года тому назад вся фабрика не работала в течение нескольких месяцев.

— Была забастовка? — догадывался Миша.

— Нет,—ответил тов. Федин,—ведь тогда еще не был налажен товарообмен с заграницей. Туркестанский хлопок был отрезан белыми, а все запасы вышли. В 1920 — 1921 году фабрика постепенно начала развертываться. Сейчас пущено уже 65.000 веретен, а скоро дойдет до 100.000. Теперь производство все больше и больше расширяется. Наш Куприянов—управляющий—делал нам на собрании доклад и рассказывал, что теперь доставка сырья обеспечена.

— А почему здесь не по-русски написано?—удивился Андрюша, который рассматривал машины.

— Это написано по-английски, так как эти машины привезены из Англии, да и сама фабрика принадлежала раньше английской акционерной компании.

— Куда же дальше отправляют нитки с этой фабрики? — спросили дети.

— На этой фабрике получается полуфабрикат — пряжа, которую отвозят для дальнейшей обработки на ткацкую и на ниточную фабрику. Каждая современная фабрика специализируется в какой-нибудь узкой области производства. В Англии одна фабрика все время работает на одних и тех же номерах, а нам приходится выполнять самые разнообразные заказы, от этого у нас больше времени и уходит на производство. У нас на 1000 веретен нужно до 16 рабочих, тогда как в Англии обходятся 8.

— А почему здесь так жарко, как в бане? — спросила Катя. Она была в шерстяном платье, и капли пота выступили у нее на лбу.

— Это требует производство, — ответил тов. Федин. — В жарком и влажном воздухе пряжа не сохнет. Сухие же волокна скользят друг о друга, и пряжа тогда рвется.

— Оттого и работницы все в ситцевых платьях и босиком, — обратили внимание дети.

— Но идемте дальше, теперь я вам покажу самое сердце нашей фабрики, — пригласил тов. Федин.

Стали спускаться по лестнице. Прошли мимо стенной газеты, обратили внимание на плакаты ленинского призыва, на старую надпись «контора». Опять шли мимо жужжащих машин, но попривыкли и шли смело.

Все вошли в маленькую дверь. В большом зале всех поразило неподвижное четырехсаженное маховое колесо и огромная лежачая паровая машина.

— Но почему же она не работает?

— Эта машина остановлена летом, — сказал тов. Федин. — Машина очень стара и стало опасным пускать ее в ход. Теперь фабрика перешла на электрификацию.

— А где же двигатель?

Обошли кругом спящей машины и увидели приютившийся в углу электромотор.

— Но где же рабочие?

— Я один слежу за работой мотора, — сказал подходящий к детям бородатый рабочий. Раньше-то за паровиком 36 человек смотрело. Ток мы получаем с соседней фабрики, а тут только остается его включить.

— Впоследствии будем получать ток с Волховстроя, — добавил тов. Федин.

Вышли дети с фабрики и по дороге оживленно разговаривали.

— Мне больше всего понравилась паровая машина и колесо, — сказал Ваня.

— Нет, мюльмашина интересней. Она так точно работает, и каретка так красиво от'езжает и под'езжает, — возразил Петя.

— А мне больше всего нравится, что машины сами работают, а рабочим остается только ими управлять и налаживать их, — произнес Миша.

А Маня сказала:

— Хорошо, что мы были на этой фабрике, я теперь знаю, как делают нитки и из чего сделана моя рубашка и вот этот носовой платок.

(К № 10.) БОРТНИЧЕСТВО.

А. Сержнутовский.

Мед диких пчел и сейчас собирают жители Белорусского Полесья. Дикие пчелы в большинстве случаев помещаются в готовых дуплах, проделанных в деревьях птицами или лесными четвероногими животными. Полешуки отыскивают дуплистые деревья, на которых растут древесные грибы, и, постукивая в ствол обухом топора, прислушиваются к жужжанию пчел. Когда по жужжанию или по другим признакам заметят присутствие в деревне пчелиной борти, то прорубают на стволе свой условный знак собственности, делают по пути на деревьях заметки, чтобы впоследствии легче отыскать пчелиную борть, и оставляют пчел до тех пор, пока они заготовят значительные запасы сотов. Затем, в начале осени, обыкновенно в августе месяце, бортники, захватив с собою посуду и необходимые орудия, опять отправляются в лес за добыванием сотов. Отыскав по намеченным признакам пчелиную борть, прежде всего, взвешивают все обстоятельства и соображают, как удобнее добраться до пчел. Когда борть помещается очень высоко и ствол дерева толстый и гладкий, то влазят на него посредством «лиэзива» или «астроги». Когда же поблизости стоит тонкое высокое дерево, достигающее вершиной до сучьев ствола с пчелиной бортью, то взбираются по этому дереву вверх, перелазят по сучьям на другое дерево и там прикрепляют легкое «лиэзиво», посредством которого уже свободно то опускаются, то поднимаются вверх сами и поднимают необходимую посуду и разные орудия.

Иногда соседнее дерево срубают так, чтобы оно повисло на сучьях возле борти, и по его стволу влазят на толстое дерево. Только в крайнем случае, когда нет никакой возможности добраться до борти, срубают дерево, прорубают борть и добывают соты. При этом, конечно, пчелы погибают. Впрочем, иногда так удачно срубают дерево, направляя его на другое, что оно постепенно склоняется в сторону и падает на землю без большого сотрясения. В таких случаях от ствола отпиливают часть с пчелиной бортью и перевозят ее на пасеку. Добравшись до борти в растущем дереве, прежде всего, затыкают леток, чтобы избежать нападения пчел; затем, посредством бурава, тонкой пилы и долота, проделывают в борти продолговатое отверстие, через которое вырезывают соты, не трогая вверху самого пчелиного гнезда. Захватив добычу, должное отверстие в борти забивают деревяшкой и покрывают ее берестой или дощечкой, чтобы защитить пчел от зимнего холода. Такие борти уже очень напоминают обыкновенные улья-колоды, в которых помещаются домашние пчелы.

(А. Сержнутовский. „Бортничество в Белоруссии",
II том материалов по этнографии России).

(К № 11.) КРАСНАЯ СВАДЬБА.

Работница.

Рабочие фабрик имени Халтурина и Шарова в своем рабочем клубе имени Моисеенко в первый раз праздновали красную свадьбу. Женились сразу две парочки, работавшие на фабрике Халтурина. Торжественно были справлены свадьбы. Ярко освещенное зало полно рабочих и работниц. Сначала торжественно зарегистрировали краснобрачных. Приветствия, поздравления почетных гостей, восторженные поздравления рабочих, крики ура, веселые звуки духового оркестра, веселые, восторженные лица! Чудесная обстановка! Закончилось торжество спектаклем. Вот как отпраздновали халтуринцы и шаровцы свадьбу.

А так ли справлял свое венчанье рабочий при царизме?

(Журнал „Работница и Крестьянка" № 5).

(К № 11.) НОВЫЙ БЫТ.

Организатор жещин *Кузьмина.*

— Здравствуй, Настенька. тоже на свадьбу идешь?

— Да, идемте вместе.

— Расскажи же нам, пожалуйста, что это за свадьба будет и как коммунисты венчают без попа? — полюбопытствовала Авдотьюшка.

— Венчать? ха-ха-ха... вот что выдумали, Авдотьюшка,—закатилась звонким хохотом Настя,—а зачем же нам венчанье? Мы не для того в клуб собираемся. Наши новобрачные без клуба заключили брачный договор в Совете. А мы в клубе их будем чествовать и поздравлять, как наших товарищей, членов нашей трудовой семьи.

— А я все-таки понять не могу, — упрямо твердила Авдотья,—для чего это в клубе свадьбу справляют, если в церковь не пошли, так и пусть по-басурмански живут.

— Пустые и старые твои слова, Авдотьюшка, — проговорила ласково, но твердо Настя.—Церковь счастья и благополучия в жизни молодых не даст. Прошло то время, когда церковь закабаляла женщину, превращала ее в рабу мужа: «Да убоится жена своего мужа».

Милые мои товарищи, Дарьюшка и Авдотьюшка, мне с вами об этом много говорить не надо, вы сами все хорошо знаете. Много было раньше случаев, когда женщина не могла вынести побои, издевательства пьяного мужа и бежала от него. А муж имел право заставить жену жить с ним через полицию.

А красную свадьбу в клубе мы справляем для того, чтоб у молодых осталось воспоминание о вступлении на новую дорогу семейной жизни. Да еще клуб рабочий дает возможность повеселиться новобрачным, разумно устраивая концерт и маленький семейный вечер. Рабочий, при своем скромном заработке, устроить какое-нибудь торжество не может.

— Ах, вы, комсомолки! Никогда с вами не договориться, не понимаете вы нас, старух. Все-то вы вверх дном перевернули!

— А вы думали, мы будем жить, как вы? Мы свободны и жить будем по-новому, разумному, пойдем по тому пути, куда нас ведет Коммунистическая Партия. Смотрите-ка, сколько народу собралось. Вот веселье, так веселье! Молодых поздравляют, а оркестр-то наигрывает!— Молодых качают. Ура, ура, ура! Не то, что в церкви: как запоют попы, так и чувствуется, что хоронят они женскую волюшку.

Ну-ка, комсомолия, споемте что-нибудь.

(Журнал „Работница и Крестьянка“ № 5).

(К № 12). С е м и к.

Ек. Замыслсвская.

Весело светит весеннее солнце. На полях и в деревне кипит работа, только девушки не принимают в ней участия, сегодня их девий праздник—семик. Они с утра принарядились и отправились в соседнюю рощу. Оттуда несутся смех и звонкие песни. За девушками следом прокрадывается детвора. Девицы убежали вглубь рощи, чтобы никто не подглядел, чем они там занялись. Но разве скроешься от мальчишек? Малыши ползут по земле, прячутся за кустами, только бы подсмотреть девичью тайну.

Вот Фрося, самая бойкая, первая песельница, крикнула весело:

— Ну, айда, девоньки, косы заплетать.

Бросились врассыпную. Каждая выбирает себе березку, заплетает из ее ветвей зеленую косу. Из своих волос берут косоплетки-ленточки, чтобы знàтко было, чья коса, на чье счастье завечòна.

Фрося заплела косу длинную-предлинную, еще и к траве пригнула гибкую молодую березку. Связала все крепко-накрепко алой ленточкой. Пусть не расплетается. Не спешит девушка замуж итти. Ей и дома не худо живется у родимой мамоньки. Одна дочь, так не знает мать, чем только побаловать.

Покончили дело с косами, стали венки завивать из весенних цветов, на березки развешивать.

Дуня, самая младшая, в первый раз за девушками увязалась, плетет венок из лесных фиалок, из подснежников. Доплела, полезла на высокую березку, одела свой венок на самую верхнюю веточку. Кенка, братишка младший, что за кустиком схоронился, не выдержал—шепнул товарищу: «Ишь, залазит куда. Ребята и оттуда собьют ейный венок. Видать отдали...» Сказал да и фыркнул. Долетел до чуткого девичьего уха смех мальчуганов. Слезла с березки, обшарила соседние кусты и открыла соглядатаев.

Снялась тут вся детвора, как вспугнутая воробьиная стая, и понеслась в деревню. Знали проказники, что девушки больно надерут уши за подглядыванье.

Девушки не погнались за шалунами. Им еще оставалось выломать молодую стройную березку «гостейку». Выбрали самую кудрявую, срезали под корень, нарядили в свои ленты, свои бусы корольки на нее повесили, одели на нее пунцовое платье сатиновое, принесенное Фросей; повязали на верхушку ярко-желтый платочек, а на плечи полушалочек. Из-под платочка спускалась запле-

тенная из ветвей коса, убранная лентами. Со спины совсем девушка, и не разберешь, что березка. Окончив наряжать березку, девушки с песнями понесли свою «гостейку» в деревню.

Фрося запевала звонко:

— «Здумал парень женитися на душе на красной девице, на березоньке сестрице...

Все дружно подхватили припев:

— «Елья, елья—березонька, елья кудревата»!

Пожилые женщины и молодухи выглядывали из окон, улыбались, вспоминая свое девичество. Фросина мать сказала старухе свекрови:

— Ишь, Фроська-то наша заливается. Лиха девка робить, лиха и погулять...

А девушки уже всей гурьбой сворачивали на Фросин двор. Понесли «гостейку» в амбар, спрятали там до воскресенья, до Троицына дня.

Дуня, придя домой, пожаловалась матери на озорника Кенку, что привел мальчишек за девушками подсматривать. Мать пригрозила шалуну, но сама не удержалась от улыбки, думая о том, как несмышлены девки: все равно парни и без мальчишек проведают, где что завечоно, пойдут и порасплетают косы, чтобы думали невесты, что всем им замуж итти.

Фрося же за ужином спрашивала отца, правда ли та девушка свянет, пропадет сама, коли венок увянет до Троицына дня. Отец ее, единственный грамотный в глухой приангарской деревне крестьянин, об'яснял наставительно, что венок с четверга до воскресенья свянет поневоле, если на припеке повешен, тут никакая семикова березка не поможет. Но, видя, что дочь слушает недоверчиво, махнул рукой.

— Эх, темнота наша, живем в лесу, молимся колесу. А по науке-то оно все об'яснено, в книжках можно прочесть.

(К № 12). ПОСЕВ ХЛЕБА.

Е. Замысловская.

Теперь послушаем, что ребята расскажут про наших предков славян, как те тысячу лет тому назад жито сеяли.

— Кто вспомнит?

Коля Осипов сказал:

— Весной после посева девушки собирались с нескольких поселков на лужайку и водили хоровод. Одна посередке ложилась на землю. Подружки пели: «Схоронен, схоронен наш Кострубонько».

Маня прервала:

— Это они про зернышко. Зерно хлебное они Кострубонькой звали. Посеяно зернышко — схоронено, значит.

Дедушка сказал:

— Становись-ка все в хоровод, а Маня будет зернышком.

Дети стали в хоровод и запели жалобно:

Умер, умер наш Кострубонько,
Схоронен, схоронен, голубонько.

Маня легла ничком на землю и не двигалась. Потом вдруг вскочила и запрыгала. Дети прервали заунывное пение, закружились весело и запели:

Ожил, ожил наш Кострубонько,
Ожил, ожил наш голубонько.

Когда все опять уселись смирно, дедушка сказал:

— Вот видите, теперь вы это делаете шутя, а тогда все это делалось серьезно; такими играми и песнями заклинали посев, уговаривали зерна прорастать скорее, дружнее. Тогда ведь люди верили, что в заклинаниях большая сила, что кругом вся природа полна духами добрыми и злыми, которые могут помогать и вредить, и их надо заклинать, чтобы покорить и умилостивить. Не только посев заклинался нашими предками, заклинали и травы луговые, и деревья в лесу. Излюбленным деревом была березка за то, что раньше других опушается она весной. Кто же из вас расскажет Сергею, как встречали и провожали весну? Ну-ка, Маня расскажи.

— Да вот ходили девушки в лес под березку, заплетали венки, украшали березку и угощали ее хлебом, пирогами, яйцами. Потом заламывали березку, несли с собой в поселок разубранную. Вот такая была у них встреча весны.

Нюша добавила:

— Еще чистили жилье, старую солому, подстилку зимнюю сожигали, мылись все, чтобы всякое лихо смыть, все болезни — трясовицы, нечисть отгоняли.

— Ну, вот это вы все хорошо запомнили, дети. А что нам теперь напоминает об этих стародавних обрядах?

— Троицын день, семик,—тоже березку наряжают!—закричали все разом.

— И тоже в избах скребут, чистят, моют на Троицу, — прибавил Петюшка.

— Заклятья и над полем делали, когда уже взойдет хлеб, от всякого лиха заклинали. Обходили вокруг по меже с караваем. Николай Егорыч, вы никак сказывали, что и по сю пору с караваем ходят по межам крестьяне, чтобы хлеб уродился.

— Верно, Петюшка, ходят, это я вам говорил. Рассказывал также, как в Сибири девушки в семик, в четверг за три дня до Троицы, «гостейку» наряжают, березку, и несут с собой в деревню. Водят вокруг нее хороводы и поют:

Елья, елья — березонька,
Березонька — кудревата,
Здумал пан жениться
На красной девице,
На березоньке сестрице..

«Гостейку» березку до Троицы сохраняют. В амбар поставят, угощают ее и сами девушки угощаются. Это все нам и указывает, что прежде березку почитали наши предки живым существом, как и все кругом в природе. У всего была душа — и у березки, и у реки, и у камня. Кто из вас, дети, вспомнит что-нибудь, что нам напоминает о прежнем душеверии?

Дети молчали.

— Ну, а ваша песенка: Лей дождь...

Они подхватили:

Лей дождь на мужичью рожь,
На бабий овес, на девичий ячмень.
Поливай весь день...

Сережа спросил:

— Значит, это тоже старинная песенка, дедушка, заклинанье дождя? Думали, что дождь услышит?

— Да, наверно, старинная, как и все обращенья к предметам и явлениям природы, как к живым существам.

Петюшка сказал:

— А моя бабушка с Новоладожского уезда, у них там обычай, как баню топить, надо поклониться в дверях да сказать: «Хозяин батюшка, позволь баньку вытопить». Если, говорит, так не скажешь, то он, банник-то, головешки раскидает, воду перепачкает, не даст мыться...

Дети рассмеялись. Сережа спросил:

— Значит, и у бани есть свой дух?

— Да, и у бани, и у гумна. В Сибири я сам видел, как, бывало, обмолотят крестьяне последний овин хлеба; принесет хозяйка на гумно пироги, оладьи. Кончив молотьбу, поедят и оставят в овине часть пищи и один необмолоченный сноп, как благодарственное приношение «суседу-овиннику» за благополучное окончание молотьбы. Значит, и выходит, чтобы хлеб вырастить, наши предки заклинали зерно, заклинали всходы, заклинали колос. Помните, мы из «Нашего прошлого» вычитывали игру и песню:

Пошел колос на ниву,
На белую пшеницу...
Родися, родися
Рожь с овсом.
Живите богато
Сын с отцом.

Потом заклинали хлеборобы гумно и кланялись суседу-овиннику. Местами и по сию пору кланяются по старой привычке. А скажите же, дети, чем теперь человек заменяет все эти заклинанья, чем старается добиться лучших урожаев? Об этом мы с вами вели беседу на экскурсии на опытное поле еще прошлым летом.

— Хорошей обработкой поля, хорошим зерном...

— На опытном поле учат, показывают, как оно по науке...

— Ну, подождите, не все разом. Пусть Коля расскажет, а вы его поправляйте.

— На опытном поле посев рядами, машиной, сеялкой. Междурядья можно потом пропалывать, чтобы не было бурьянов, сорных трав. А крестьяне сеют просто — рукой разбрасывают. Такой посев нельзя полоть. И ровно сеять не всякий умеет. Надо бросать зерна так, чтобы не густо, не редко. А главное, надо семена хорошие, отборные. Мы видели, как их электрической сортировкой отбирают на опытной станции. А в школе мы, Сережа, семена сами руками

отбирали, на всхожесть их испытывали [1]) и на пробу в огороде сажали — одну грядку неотобранных семян, а другую отобранных. Теперь уже знаем, что с этого выходит.

(Ек. Замысловская, „В деревне и в городе").

(К № 13.) ПЕРВОЕ МАЯ В КРЫМУ.

Ек. Замысловская.

Южное солнце заливает все своими яркими лучами. Мерно катятся волны первомайского шествия по улицам крымского городка. Собрались на веселый весенний праздник все от мала до велика: и дети, и седые старики, какая пестрая смесь нарядов: тут и украинские яркие плахты и татарские расшитые чадры на девочках; фески и тюбитейки на мальчиках. Кого только нет в толпе: моряки-военморы; красноармейцы; рабочие и служащие идут по союзам. Отряды комсомольцев, пионеры, и тут же татарские школьники из окрестных деревень — мальчики и девочки вместе дружной семьей. Они все подхватывают звонкими детскими голосами припев боевого марша:

«Так пусть же Красная
«Сжимает властно
«Свой штык мозолистой рукой —
«Итти должны мы неустрашимо,
«Итти в последний смертный бой...

Миновав город, шествие выливается на зеленую поляну, над морем. Тут сначала речи ораторов, раз'ясняющие значение Первого Мая для трудящихся всех стран, всех национальностей, потом веселая маевка. Закусывают тем, что прихватили с собой пьют чай; дети резвятся, играют. Речи ораторов они слушали с напряженным вниманием.

Русская по национальности старушка, пришедшая с внуками-комсомольцами, одобрительно кивает головой на ребят в тюбитейках:

---

[1]) На всхожесть семена испытывают, отсчитав 100 зерен и поддерживая их влажными на песке под мокрым холстом дней 10. Если из 100 зерен прорастет 95— это высокая всхожесть, равная 95%. Те зерна, которые прорастут в первые четыре дня, дадут и растение быстро вызревающее. Если таких зерен много, то всходы будут дружные, и их не поглушат сорные травы.

— Послушайте, послушайте. Вишь как вас теперь учат; а прежде жили в своих горах дикарями...

Но татарские детки слушают и без ее поощрения. От отцов и матерей они знают, как трудно жилось татарам в Крыму в ту пору, когда никто не смел открыто праздновать веселого первомайского праздника. Тысячи семей должны были покидать родные крымские горы и выселяться в далекие края. А теперь вот стараются об'яснить всем с детства, что все люди должны стать одной работящей семьей, что «нельзя ни одного ребенка упрекать за то, от кого он родился,—черный ли у него цвет кожи, белый или смуглый, все равно ребенок должен расти членом одной коммунистической семьи». Конечно, за это еще нужно бороться. Не все поняли, не все согласны отказаться от угнетения слабых—вот потому и поют красноармейцы и комсомольцы, а за ними и все малыши:

«Слушай товарищ, смело вперед—
Реввоенсовет нас в бой зовет...
Итти должны мы неустрашимо,
Итти в последний смертный бой...»

Этот боевой марш поется от души и белокурыми северянами, приехавшими в Крым лечиться, и черноглазыми татарскими школьниками, и у всех в этот солнечный день на груди алеет значок с портретом Ленина, который первый стал раз'яснять детям, за что борятся сообща трудящиеся всех стран и народов.

(К № 13). ЛЕНИН И КОМСОМОЛ. ПЕРВОЕ МАЯ.

Ем. Ярославский.

Мне вспоминается сейчас яркий солнечный день 1-го мая 1919 года. Ленин на трибуне на Красной площади. Вокруг море голов, — детей, подростков, юношей, девушек. Это пришли школы, это пришли отряды комсомольцев на Красную площадь в день 1-го мая. Они окружили площадь вокруг трибуны, сверкающей на солнце сосновыми перилами. Ленин перекинулся через перила, — весь устремление, порыв, весь — горячее, убежденное слово. Ленин обращается к молодежи и говорит о том, что именно эта молодежь достроит и доведет до конца дело, начатое поколением, к которому принадлежит и Ленин. Мы не увидим уже расцвета коммунизма,— вы его увидите, вы его достройте. Нам суждено было пойти невероятно суровым, трудным путем, — путем кровавой борьбы. Мы

должны были пробивать дорогу. Многие из вас, из детей, счастливы тем, что вам не придется итти этой трудной, жестокой дорогой.

Это звучит пророчески, вдохновенно, это запоминается на всю жизнь.

Вы знаете, какие огромные надежды возлагал Ленин на рабочую молодежь. Там, где нужно было искусство и тройная смелость, где нужна была уверенность, что мы сумеем погибнуть все, но не пропустим неприятеля, где нужна была смелость, смелость и еще раз смелость, — Ленин выдвигал рабочую молодежь. Рабочая молодежь оправдала эти надежды Ленина, эту его оценку, и мы убеждены в том, что рабочая молодежь, которая теперь идет с низов в отряды юных пионеров, в комсомол, идет на смену коммунистической партии, и будет решительным поколением ленинцев, которое воплотит в себе его лучшие черты и в жизнь проведет его заветы.

(Ем. Ярославский, „Комсомольский Май“).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ХРЕСТОМАТИЙНЫЙ МАТЕРИАЛ.

Цена 40 к.

